

Стэн Тэлчин

НАЙТИ ИСТИНУ...

Стэн Тэлчин

НАЙТИ ИСТИНУ...

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-94:27-29

ББК 86.376

Тэл81

Тэлчин С.

Тэл81 Найти истину: Свидетельство. — Корнталь: Свет на Востоке, 2006. — 176 с.

ISBN 3-935435-74-6

Вместе с автором читатель отправится в путешествие к истокам иудаизма и узнает о глубинах и тайнах Божьего Слова, познакомится с целительной силой духовности, которая может освободить человека от груза самых тяжелых событий его прошлого, узнает о том, как семье Стэна Тэлчина удалось разрешить, казалось бы, неразрешимые противоречия.

УДК 82-94:27-29

ББК 86.376

Редактор: И. Воробьева

Корректор: Ю. Селезнева

Верстка и дизайн: Андрей Цорн

Изд. № 01.716

ISBN 3-935435-74-6

© Издательство «Свет на Востоке», 2006

Посвящается

Во славу Божью

Этель, Джуди и Энн;

*верующим, которые должны узнать истину;
всем пытливым, с жаждающими правды сердцами
и просто любознательным.*

Предисловие автора

Во времена учебы в колледже я услышал фразу: «В этой жизни за пятак можно получить целый мешок ответов. Каждый считает, что именно у него есть правильный ответ на все. Самая главная наша задача — уметь правильно задавать вопросы».

Попытки найти ответы на правильно поставленные вопросы могут изменить вашу жизнь. В этой книге я поделюсь с вами историей о том, какие вопросы я однажды задал сам себе и какие ответы на них нашел. И заданные вопросы, и найденные ответы в корне изменили мою жизнь.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Телефонный звонок, который изменил жизнь всей нашей семьи, раздался в воскресенье, в половине одиннадцатого вечера.

Звонила наша старшая дочь Джуди. Ей было тогда двадцать один год, и она училась на первом курсе Бостонского университета. Этель, моя жена, принимала в это время душ, а наша вторая дочь, семнадцатилетняя Энн, делала у себя в комнате уроки. Энн была старшеклассницей, она училась в средней школе имени Уолта Уитмена¹. Мы жили в городе Бетезда штата Мэриленд.

— Привет, папа, это Джуди. Скажи, у тебя есть сейчас время? Мне нужно с тобой поговорить...

— Да, конечно. У тебя все в порядке?

— Да, все хорошо. Папа, я хочу сказать тебе что-то очень важное...

В ее голосе были какие-то странные нотки. Мне стало тревожно.

— О чем это ты? Что-нибудь случилось?

— Да ты не беспокойся, пап, у меня все хорошо. Просто я целый день думала об этом нашем разговоре. Пусть мама подойдет к другому телефону.

— Она в ванной, принимает душ.

— Ладно, ты потом сам поговоришь с ней.

— Ну так я тебя слушаю.

— Папа, я написала тебе очень длинное письмо. У меня на него ушло несколько дней. Только сегодня утром закончила, а потом все читала и перечитывала. И все же

я не могу отправить его. Не хочу причинять тебе боль... — Она вздохнула. — Это самое трудное из всего, что мне приходилось делать в жизни... Я хочу прочитать его тебе прямо сейчас. Можно?

В моей голове проносились мысли одна хуже другой: она забеременела... Или же тайно вышла за кого-то замуж... А может, у нее проблемы с полицией?.. Или ее выгнали из университета?.. Но Джуди была примерной дочерью — не по годам взрослой, чуткой, и ни одно из этих предположений не имело под собой никакой почвы. Я старался оставаться невозмутимым:

— Подожди, Джуди. Прежде чем ты начнешь читать, дай-ка я возьму карандаш и бумагу, чтобы делать заметки.

Этель все еще была в ванной. Я взял карандаш, блокнот и подошел к телефону, готовый к Джудиным новостям:

— Ну так что там у тебя случилось?

Дочь, немного поколебавшись, еще раз извинилась за предстоящий разговор. Потом она заговорила, довольно быстро, и от этого к моему горлу подступил комок — мне передалось ее волнение.

Я привык близко к сердцу принимать все, что происходило с близкими. Наша семья была очень дружной, и мы всегда открыто делились друг с другом и плохим, и хорошим. Мы с Этель гордились своими дочерьми. Энн хорошо училась в школе и проявляла немалые способности в области различных искусств. Джуди была студенткой Бостонского университета, где готовилась стать

дефектологом, она специализировалась на работе с детьми с физическими недостатками. Прежде Джуди училась в Мэрилендском университете, который находился всего в тридцати минутах езды от дома. Она прожила почти полтора года в переполненном общежитии прямо на территории университета — обстановка там была не из легких. А на следующую зиму перевелась в Бостонский университет и сняла себе небольшую комнатку. В Бостонском университете дела у Джуди, по ее словам, пошли гораздо лучше.

Весной 1975-го у меня у самого дела шли как нельзя лучше. В свои пятьдесят я был преуспевающим страховым агентом. У меня были прекрасная жена, две очаровательные дочки, красивый дом... Все внутри меня вдруг воспротивилось тем плохим известиям, которые мне предстояло услышать от дочери.

— Дорогие мама и папа, — начала читать Джуди. — Мне очень трудно писать вам это письмо, потому что я очень люблю вас с Энн. Не знаю, есть ли еще где-нибудь такая дружная семья, как у нас...

Замерев, я слушал, как Джуди в мельчайших подробностях описывала всю жизнь нашей семьи: как мы, родители, никогда не учили детей тому, чего не делали сами, как непритворно относились друг к другу, как она ценила то, что росла в атмосфере любви и спокойствия, и как благодарна нам за свое воспитание.

Затем, когда она перешла к описанию недавнего периода своего полного одиночества, моя рука с силой сжала телефонную трубку. Однако с одиночеством она спра-

вилась, устроившись работать на горячую линию экстренной помощи, где ей приходилось по телефону помогать отчаявшимся людям. Затем последовал подробный рассказ, как один человек чуть не покончил жизнь самоубийством и какой неопытной она оказалась в этой ситуации. Однако среди людей, работавших с ней, нашлись те, у кого был необходимый опыт, но, кроме опыта, у них были еще и убеждения... Они смогли ответить на все те вопросы, ответов на которые не было у Джуди.

Потом она стала рассказывать мне о Дике. По словам Джуди, Дик был, что называется, библейским верующим. Он тоже работал на линии, и вскоре они подружились. Дик часто и подолгу рассказывал Джуди о Библии, и когда Джуди объяснила ему, что ей никогда не доводилось читать Библию, к тому же у нее этой книги и не было, Дик принес Библию ей в подарок. Месяцами он предлагал ей прочесть то одно, то другое место из Библии, и она читала.

— С Диком мы подолгу беседовали, папа. И из того, что я узнала в результате наших бесед, и из того, что прочла в Библии, а также благодаря многому другому...

Я затаил дыхание, когда она сделала паузу, чтобы собраться духом.

— Я тоже стала верующей.

Последовала длинная пауза.

— А что же это означает, Джуди?

— Это означает, что я верю в Бога. Я верю, что Библия — Слово Божье, и... (опять длинная пауза) что Иисус Христос и есть обещанный Мессия.

Я просто дара речи лишился! Многие родители пришли бы в восторг от этих слов, я же был раздавлен. Ведь мы же евреи! Само упоминание имени Христа вызывает у нас неловкость, а уж назвать Его Мессией... Для любого из нас поверить в то, что Иисус и есть Мессия, означает предать свой народ, обесчестить память всех наших предков. Как только Джуди посмела пойти на такое?

Все во мне закипало. Первым моим желанием было как следует отругать ее. Я уже открыл было рот для отповеди, но тут в моей душе заговорил другой голос: «Не кипятись. Джуди просто промыли мозги. Это всего лишь дань моде. Ведь вы любите друг друга. Не допусти, чтобы этот разговор привел к взаимной обиде! Это безумие пройдет, и она образумится».

Именно так я и поступил. И хотя внутри у меня все клокотало, я продолжал вести разговор спокойно, не навязывая своего мнения. Наконец я сказал:

— Знаешь, Джуди, этот вопрос нам с тобой так с ходу не решить. Вот приедешь домой на весенние каникулы, и я обещаю тебе, что у нас будет время все обсудить спокойно. Ты нам расскажешь об этом подробнее. А пока пусть все утрясется, хорошо?

Послышался вздох, затем последовала долгая пауза, потом еще глубокий вздох:

— Хорошо, папа. Я тебя люблю. Спокойной ночи!

Я положил трубку. Этот разговор полностью опустошил меня. Этель уже давно вышла из ванной. Нескольким раз она забежала в комнату еще в первые десять минут беседы и, конечно же, слышала большую часть

сказанного. Повесив трубку, я заметил, что жена чрезвычайно бледна. Она была вне себя от гнева.

Как только я стал пересказывать ей в подробностях наш разговор с Джуди, она неожиданно встала и ушла на кухню. Было слышно, как она разговаривает сама с собой, раздраженно гремя посудой. Нужно было как-то успокоить ее.

Когда я зашел на кухню, она посмотрела на меня с укором.

— Что мы сделали не так, Стэн? Разве можно любить своих детей больше, чем мы любили Джуди? Как же она могла пойти на такое?!

Этель заплакала. Я не выношу, когда моя жена плачет. За двадцать семь лет нашей совместной жизни это случилось очень редко, и каждый раз у меня разрывалось сердце. Вот и теперь мне стало невыносимо тяжело от бессилия, оттого что не могу облегчить ее страдание.

Этель труднее было перенести поступок Джуди, чем мне. Она полностью отдала себя воспитанию детей, и вот чем Джуди отплатила ей! Если вас когда-либо связывали с кем-нибудь отношения взаимной любви, вы поймете всю глубину ее страдания. Как бы вы чувствовали себя, если бы ваш ребенок отвернулся не только от вас, но и от вашего народа?

В ту ночь в доме никто не спал.

На следующее утро я позвонил с работы своему знакомому раввину и излил перед ним душу, рассказав о событиях предыдущего дня. Его ответ до некоторой степени успокоил меня и пробудил во мне надежду:

— Стэн, не горячись! Не так уж все ужасно. Просто Джуди чересчур эмоциональна. Вот придет она через пару недель на каникулы, тогда и поговоришь с ней с глазу на глаз. Она хорошая еврейская девушка, вы любите друг друга. Она обязательно одумается. Попытайся найти с ней общий язык. Представь, все могло оказаться гораздо хуже. Ведь она могла пристраститься к наркотикам или еще что-нибудь такое... Все будет хорошо.

Вдохновленный поддержкой, я позвонил Этель и рассказал о моем разговоре с раввином. Наверняка ему приходилось иметь дело с подобными случаями, и он знает, как тут нужно действовать. Может, к тому времени, когда Джуди придет домой, она уже позабудет о своем увлечении. Какой смысл переживать? Для переживаний времени будет хоть отбавляй, говорил я себе.

В следующие две недели я старался собрать всю свою силу воли, чтобы сосредоточиться на работе. И вот наступило время ехать в аэропорт встречать Джуди...

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО С ДЖУДИ?

По дороге в аэропорт мы с Этель вырабатывали стратегию.

- Нужно действовать очень спокойно, — сказал я.
- Джуди, наверное, уже одумалась.
- А что если она еще больше уверилась в своей правоте? — спросила жена.
- Тогда придется обратиться к логике и разуму. Она

поймет, что не права. Нам нужно успокоиться и вести себя так, будто ничего серьезного не произошло.

Самолет опоздал. Пока мы ждали, я выкурил, навверное, полпачки сигарет.

Увидев Джуди, которая стояла в проеме двери, я не поверил своим глазам: очень оживленное лицо, как всегда, подтянута, а главное — во всем облике дочери ощущается какая-то жизненная сила, которой я никогда не замечал в ней прежде. Она встретила нас так тепло, что у меня выступили слезы. Я не хотел, чтобы она догадалась о моих чувствах, и отвернулся в сторону, чтобы взять ее багаж.

Все сорок минут по дороге домой мы вели непринужденный разговор, но когда приехали и сели все вместе в комнате, в нашей беседе появилась какая-то неловкость. Наконец я решился коснуться больной темы:

— Да-а, Джуди... Думаю, нам надо поговорить. Хотелось бы узнать, что же с тобой все-таки произошло. Ты не хочешь рассказать нам обо всем?

— Ну конечно, папа.

Как только она произнесла эти слова, из своей комнаты появилась Энн и присоединилась к нашей компании. Я вдруг увидел, насколько разными были мои дочери. Большие светло-карие глаза Джуди светились живостью; она говорила немного нервно и, чтобы придать выразительности своим словам, постоянно жестиковала. Энн слушала сестру молча, уютно подогнув под себя ноги; ее взгляд был строгим и осуждающим, а бледное лицо как будто застыло. Она реагировала на случив-

шееся гораздо острее, чем мы с Этель. Наверное, она почувствовала себя одинокой и покинутой, ведь сестры были очень близки друг другу. Мысль о том, что между ними может наступить отчуждение, причиняла мне душевную боль. Джуди должна понять, какой удар она наносит всей семье!

Этель сидела на софе рядом с Джуди. Ее лицо выражало смешанные чувства: любовь и материнскую заботу, укор и смятение.

— То, что в Бостоне я проводила много времени в одиночестве, дало мне возможность размышлять, по-настоящему размышлять впервые за всю мою жизнь, — говорила Джуди. — Я поняла, что многое в себе мне не нравится. Не считая вас, все в моей жизни было совершенно бессмысленным. Ребята, с которыми я была знакома, тоже брели по жизни без смысла и цели. Впервые за всю свою жизнь я почувствовала необходимость обратиться в себе самой и в других... — Она остановилась. Я нервно потянулся за сигаретой. — Поэтому я и пошла работать на горячую линию, — продолжала Джуди.

— Хм-м. Интересно.

— Организация называется «Проектный центр». Это специальный центр по предотвращению кризисных ситуаций. По телефону звонят люди со всякого рода вопросами и проблемами, а мы стараемся им помочь.

— Это что, христианская организация?

— Нет, не христианская. Она сама по себе. У них есть машина скорой помощи, небольшой штат сотрудников и несколько волонтеров.

— Ну, а что же делала там ты?

— Я сидела на телефоне. Отвечала на вопросы, когда могла. А когда не могла, то посылала к тем, кто мог. Как-то раз я работала в ночную смену, и вдруг позвонил Ронни.

— Какой Ронни? — спросила жена.

— До этого звонка мы не были с ним знакомы. Когда я взяла трубку, он назвался, сказал, что он ветеран Вьетнамской войны и что ему не хочется жить. Потом добавил, что только что он проглотил пятьдесят две снотворных таблетки.

— И что же ты сделала? — поинтересовался я.

— Спросила у него адрес и сказала, что мы пошлем к нему скорую помощь, чтобы отвезти в больницу. Честно говоря, я здорово запаниковала. Сначала он не хотел давать адрес, но в конце концов уступил моим просьбам. И тут я сделала такое, что противоречило всем установленным правилам.

— Что же именно?

— Поскольку ни водителя, ни машины под рукой не оказалось, я убедила одного дежурного парня поехать на его машине и отвезти Ронни в больницу.

— Что ж тут такого?

— Дело в том, что только квалифицированный медицинский персонал может заниматься подобными случаями. Если бы мы посадили его в машину, а он бы по дороге умер, нам пришлось бы отвечать за это.

— Разумно.

— И да, и нет. Если бы мы ждали, пока приедет скорая помощь, могло бы оказаться слишком поздно.

Мы и так еле довели его до больницы. Его с трудом спасли.

Выказывая нетерпение, я прокашлялся.

— Да, но в разговоре со мной ты говорила о Ронни и его брате Чарлзе. Какое отношение они имеют к тебе?

— Мы просто друзья. Но прежде чем я стану говорить о Чарлзе, я хочу рассказать вам о Дике.

Я заметил, что на глаза у нее навернулись слезы. Видимо, наконец дала о себе знать напряженность ситуации. Я решил не перебивать ее, пусть сама обо всем расскажет. Она опять стала говорить о своих отношениях с Диком, с которым они вместе работали и который проявил такую «любовь» к евреям, что даже дал Джуди почитать Библию.

— Он действительно любит читать Библию. Когда Дик находил там что-нибудь интересное для себя, он приходил ко мне и делился своими открытиями. Я помечала это место и потом, когда оставалась одна, перечитывала его. Однако я не разделяла восторгов Дика. непонимание вызывало во мне раздражение. Но все же я продолжала читать, пытаюсь понять.

Когда Джуди опять заговорила о Ронни, она вдруг повернулась к Энн:

— Ты помнишь тот вечер, когда позвонил Ронни? Ты как раз гостила у меня в Бостоне и сидела со мной на работе, пока я отвечала на звонки. Ты еще взяла трубку и разговаривала с ним, когда за ним поехали. Помнишь?

Энн кивнула головой, но ничего не сказала.

— Так вот, Ронни спасли, а потом он часто разговари-

вал со мной по телефону и просил, чтобы я его навестила. Я пару раз была у него в больнице, однако завоевать его доверие мне не удавалось. У нас не было ничего общего. Я говорила ему о любви, а он мне о ненависти. Будто мы были совершенно из разных миров.

По мере того как она рассказывала об этом, на ее лице появлялось выражение сострадания.

— Мне было так жалко его. Он совсем запутался. Ему нужна была помощь, но я не могла оказать ее. Потом его выписали из больницы. Через несколько недель он опять наглотался таблеток, и его снова отвезли в больницу. Когда я узнала об этом, то поехала к Дику и попросила его помолиться о Ронни. Но Дик отреагировал на это как-то странно.

— Что же он сделал? — поинтересовалась Этель.

— Он отвел меня в сторону, посмотрел на меня таким строгим отеческим взглядом и сказал: «А ты сама?» Я не понимала, что он имел в виду, и сказала ему об этом. Тогда Дик достал Библию и прочитал то место, где спрашивается, зачем видеть соломинку в глазу брата, не замечая бревна в своем глазу. Я, как всегда, не поняла, что он имел в виду. Он объяснил, что я слишком поглощена заботами о Ронни и совсем не думаю о себе.

— Что он хотел этим сказать?

— Он сказал, что я была слишком занята тем, чтобы помогать другим, и совершенно забыла о своих собственных проблемах. И еще добавил, что именно мне и нужно помолиться о Ронни, но сначала нужно попытаться самой найти Бога. Все это было сказано очень

мягко, тем не менее, заставило меня задуматься. Весь следующий день я провела одна в своей комнате. Читала кое-что из Библии. Думала о Боге. Наконец я попыталась поговорить с Богом. А потом вдруг заплакала.

На этом месте голос Джуди изменился. Слезы застилали ей глаза, хотя она очень старалась взять себя в руки. Этель потянулась было к Джуди, но потом отдернула руку.

«Что же такое здесь происходит?!» — недоумевал я.

Джуди продолжала:

— Я не могла остановиться и все время плакала — часами. Такого со мной никогда не бывало. Слезы катились градом, а я продолжала просить помощи у Бога. Я попросила Его явить Себя мне и показать мне истину. Я была очень расстроена и находилась в страшном смятении. В душе я начинала верить кое-каким стихам из Библии, которые либо прочитала сама, либо услышала от Дика (в них говорилось о Мессии). В голове упорно продолжала стучать мысль: «Это невозможно! Ты не можешь поверить во все это! Ты ведь еврейка. Ты не можешь верить в Христа». Проплакав несколько часов, я наконец заснула.

Когда Джуди оправилась от эмоций, она продолжала:

— На следующий день я точно поняла: со мной что-то произошло, однако, что именно, не знала. Я была в каком-то оцепенении. Глаза от слез сделались красными. Вы ведь знаете, со мной такое иногда бывает. Все же я должна была взять себя в руки. Мне предстояло встретиться с Чарлзом.

— Это брат Ронни?

— Ну да. Я познакомилась с Чарлзом у Ронни в

больнице. Он только что вышел из тюрьмы, отсидев большой срок, и я его побаивалась. Чарлз огромного роста, руки разрисованы татуировкой... Мне даже пришла в голову мысль, что он член мафии или что-то в этом роде и наверняка втянул Ронни в какую-нибудь историю. И вот Чарлз мне однажды позвонил по горячей линии и попросил помочь устроить Ронни в один из военных госпиталей в Бедфорде, в штате Массачусетс. Там была очень хорошая реабилитационная программа для наркоманов. Он попросил меня поехать с ним туда и поговорить с администратором больницы.

— Ты, конечно, не сделала этого, правда?

— Мне не хотелось с ним ехать. Я уже приготовилась было сказать «нет», как вдруг услышала, что говорю «да». Мы договорились встретиться через несколько дней.

Видя, что мы неодобрительно качаем головами, Джуди только рассмеялась и сказала:

— Я знаю, вы думаете, что я потеряла рассудок, но все же хочу рассказать, что произошло. Он попросил меня встретиться с ним в доме его матери — я видела ее как-то раз в больнице. Я приехала, и Чарлз сразу же повел меня к своей машине. Очень неохотно я села на переднее сиденье, как можно ближе к дверце. Пока мы ехали в госпиталь, я заметила у лобового стекла небольшую книжку в черной обложке. Похоже, это была Библия.

Я смотрел на свою дочь с негодованием. Почему она забыла все, чему я ее учил когда-то по поводу подобных ситуаций? А Джуди тем временем продолжала свой рассказ:

Я спросила у Чарлза: «Это Библия?» Он кивнул в ответ, и вдруг произошло что-то необычное. Внезапно я почувствовала, что с ним я могу ничего не бояться. Мне стало очень спокойно, и мы разговорились. Поскольку я сама начала разговор о Библии, он принялся говорить на эту тему. Неожиданно для себя я задала Чарлзу один вопрос. Я вспомнила, как один мой друг говорил мне, что я, несмотря на свое еврейское происхождение, могу верить в Иисуса Христа. И я спросила Чарлза, правда ли это. Он ответил, что Иисус был евреем и что многие тысячи евреев верили в Него, когда Он жил на земле. Потом Чарлз рассказал мне, как Иисус вошел в его жизнь, когда он сидел в одиночной камере. Удивительная история. Его посадили в одиночку, потому что он был настолько озлоблен, что никто не мог с ним справиться. И вот там он как-то заказал через передвижной книжный магазин Библию. Заказ прислали, и он стал читать Библию. Изучение Писания изменило его жизнь. Из тюрьмы он вышел новым человеком, исполненным любви к людям. Ему даже семейную жизнь удалось наладить.

У меня не было никакого желания слушать что-либо еще о Чарлзе.

— А как же насчет Ронни? — поинтересовался я.

— В госпитале мы поговорили с администратором, и нам удалось записать Ронни на эту программу. По дороге домой Чарлз сказал, что лучшее, что можно было сделать для Ронни, — это молиться о нем. Позже, когда я подошла к своей машине, Чарлз пригласил меня пойти

в следующее воскресенье с ним и его женой в церковь. Я поблагодарила его, но отказалась. Вот уж это мне было действительно ни к чему. В последующие недели Чарлз звонил мне через каждые несколько дней и рассказывал, как дела у Ронни. Однажды он позвонил, как обычно, и опять пригласил меня пойти с ними в церковь. Может, это было простое любопытство, но я согласилась. Все было совершенно другим, непохожим на то, что видишь в синагоге. Но люди мне понравились. Они были настолько приветливы, настолько гостеприимны... Их лица так и светились радостью. А в конце служения пастор пригласил всех, кто хочет получить спасение, выйти вперед.

— Чтобы стать христианами, — пояснил я. — Они хотят сделать из тебя христианку, чтобы ты перестала быть еврейкой!

— Ничего подобного, папа. Они объясняют это совершенно по-другому. Они говорят, что я все равно буду с Богом Авраама, Исаака и Иакова. Буду с Богом моих предков.

— А, вот как они теперь промывают нам мозги! — воскликнула Этель.

— Ну и сколько же раз ты была в церкви? — спросил я Джуди.

— Три раза, — ответила она. — Первые два раза я просто наблюдала за людьми и служением, пытаясь во всем разобраться. Никто на меня не давил. Меня просто приняли, отношение людей было очень искренним. Когда я вернулась домой, то открыла Библию и стала думать

над тем, что там написано. Решение о том, как относиться к Иисусу Христу, я приняла в субботу вечером. После этого мне уже не терпелось поскорее пойти в церковь. Я даже не слушала проповедь пастора. Единственное, о чем я думала, чтобы, как только он спросит, кто хочет признать Христа своим Господом, поднять руку. Именно так все и произошло. Потом пастор пригласил меня подойти к нему, чтобы вместе помолиться.

Последовало неприятно долгое молчание, поскольку каждый из нас старался осознать смысл и значение услышанного.

— Да, но ведь ты еврейка, Джуди, — спокойно возразил я ей. — Евреи просто не принимают Христа. Как же можно оставаться евреем и верить в Христа? Это невозможно!

— Ты абсолютно не прав! Ты удивишься, сколько евреев верят в Христа!

— Чушь!

Джуди обвела взглядом всех присутствующих и увидела у них в глазах одно разочарование. Тяжело вздохнув, она сказала:

— Папа, единственное, что тебе нужно сделать, — это самому во всем убедиться. Тебе не обязательно верить в то, во что верю я, но ведь ты умный человек. Почитай Библию и разберись: правда все это или нет. Вам всем нужно сделать это. Ведь в Библии либо все правда, либо все ложь. Если Он не Мессия, вы сами это увидите. А если же да, вы тоже это поймете. Но попробуйте просто почитать Библию, а потом прийти к собственному выводу.

На этом наш разговор окончился, и мы пошли спать. Этель казалась какой-то одеревенелой и только молча качала головой. Выключив свет, я попытался заснуть, но сон не шел, и мы оба ворочались в постели.

— Что же нам теперь делать? — наконец спросила Этель.

— Думаю, что поступлю так, как советует Джуди.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, она хочет, чтобы я прочитал Библию. Хорошо! Вот это я и сделаю! А когда прочитаю, то докажу ей, что она заблуждается. Могу поспорить, что именно этого она от меня и хочет.

— Ну, не знаю! — вздохнула Этель. — Что-то уж больно она самоуверенна!

— Это все только внешне!

На какое-то время мы замолчали.

— Стэн!..

— Что, дорогая?

— По-моему, Джуди очень хорошо выглядит, а?

— Да...

— Как ты думаешь, может, эта радость и этот страстный порыв оттого, что в ней появилась новая вера?

— Да кто его знает, — раздраженно ответил я. — Она кажется счастливой, потому что у нее появились новые друзья. Но это скоро пройдет. Она прежде всего еврейка, и все это «счастье» среди христиан скоро пройдет.

— Наверное, ты прав...

Я знал, что я прав. Скорее бы начать читать Библию, чтобы доказать это всем.

ИСТОРИЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Вы спросите, почему же я так расстроился? Да потому, что я слишком хорошо знаю историю своей семьи.

Мои отец и мать — выходцы из еврейского местечка в России, которое называлось Штуллен. На их долю выпали все трудности, через которые прошла семья Тевье-молочника из фильма «Скрипач на крыше»², и даже больше... Ненависть окружающих, постоянная угроза погромов — все это вселило вечный страх в сердца евреев, перебороть который было невозможно. Люди, нападавшие на евреев, именовались христианами. Поэтому всех, кто не принадлежал к нашему народу, мы автоматически считали христианами.

Отец мой приехал в Соединенные Штаты в 1904 году вместе со своим отцом и несколькими братьями, даже не зная, что в то время, когда он уезжал из России, моя мать уже была беременна. Через два года им удалось скопить достаточно денег, чтобы остальные члены семьи смогли приехать в Америку. Тогда мой отец впервые увидел своего сына. По-еврейски его звали Зелигом Гиршем, а по-английски — Чарлзом.

Родители поселились в Ист-Сайдском районе Нью-Йорка, где папа работал портным, — совсем как герой «Скрипача». Выучить английский язык для них было неимоверно трудно, как и привыкнуть к американскому образу жизни. Но мало-помалу все устроилось.

Шли годы, рождались дети. Сначала Джо, потом Фрэнсис, после Сэм. Десять лет затишья — и появилась

Доррис. А еще через два года, на удивление всем, пришел в этот мир и я.

Годы раннего детства в моей памяти запечатлелись смутно, однако я хорошо запомнил, как меня впервые обозвали христуубийцей. В ту пору мне было лет пять-шесть. Я прибежал домой плача — не потому что понимал значение слова «христуубийца», а потому, что испугался той ненависти, которая звучала в голосах выкрикивавших его детей.

Позже (мне уже исполнилось восемь) в одно июльское воскресенье я играл в мяч на школьном дворе. Когда я отправился домой пообедать, то встретил на дороге хмурого вида женщину. Она шла прямо на меня, не сворачивая. «Прочь с дороги, жидёнок!» — рявкнула она, узнав во мне еврея, и с размаху толкнула в грудь, так что я упал.

Я до сих пор помню тот гнев, ту злобную ненависть, природы которой тогда еще не понимал. Я заплакал. Потом побежал домой к маме, и мама, вытирая мне слезы, успокаивала... Тогда она впервые рассказала мне о том, что значит расти в гетто, и о ненависти, которую питали к евреям люди из других народов.

В последующие годы я узнал о крестовых походах, в ходе которых крестоносцы с крестом в одной руке и с мечом в другой преследовали евреев. Убийства, насилия и грабежи совершались под христианскими знаменами.

Потом я узнал и о годах инквизиции в Испании, когда отказ принять христианство стоил евреям жизнь. Очевидно, крылатым выражением в то время было: «Хороший еврей — это крещеный еврей или мертвый еврей».

Узнал я и о маранах. Мараны — это испанские евреи, которые открыто принимали католицизм ради спасения жизни. Но втайне они сохраняли еврейство и продолжали учить своих детей еврейским обычаям.

Между тем наша семья переехала из Ист-Сайдского, еврейского, квартала в Уильямсбургский квартал и, наконец, в еврейский квартал в Бруклинском районе Нью-Йорка, — Боро-парк, где сорок процентов населения составляли евреи, сорок — католики и двадцать — все остальные. Однако мои лучшие друзья были евреями. Помню, как мы участвовали в уличных драках, когда банды с 17-й или с 8-й авеню заходили на нашу территорию и грозились избить евреев. Мы жили в квартале со сдающимися в многоэтажных домах квартирами. Там жили сотни ребят. Моими закадычными дружками были Большой Хай, Маленький Хай, Сид и Эл. Родители у всех нас были выходцами или из России, или из Польши, поэтому мы тянулись друг к другу.

Больше всего запомнились уличные драки. Неважно, насколько я терпеть не мог какого-нибудь там Бенни или Сола из соседнего дома, но при любой опасности мы всегда забывали о наших распрях и, объединившись, рука об руку выступали против общего врага, гоев³.

Я был евреем, потому что родился им. Насколько мне известно, невозможно стать евреем, если ты им не родился, но невозможно и перестать быть евреем, если ты им родился.

Все мои родственники и со стороны отца, и со стороны матери были ортодоксальными евреями. В России их

жизнь была тесно связана с жизнью еврейского гетто с его неизменным посещением синагоги и религиозным образованием. Однако в Америке все было по-другому. Здесь иудаизм был лишь формальной частью еврейской религиозности. Об этом редко говорили, да и вообще не упоминали. И я, и мои братья прошли обряд подготовки к Бар-мицве⁴ и были обучены всему, что с этим связано. Нам ничего не оставалось, как просто быть евреями.

Я пытался приучить себя надевать каждое утро свой тфиллин⁵, потому что это нравилось моему дедушке. Тфиллин представлял собой маленькие кожаные коробочки, с вложенными внутрь выписками из Священного Писания, которые при помощи шнурков привязывались на левую руку и на лоб. Дедушка подарил мне тфиллин, преподнесенный ему на Бар-мицву еще его дедушкой. И чтобы угодить своему дедушке, я продолжал носить эти кожаные коробочки, не понимая, зачем это нам, евреям, нужно, даже если об этом сказано в Писании. Никто не носил этих кожаных коробочек. Ни мой отец, ни мои братья. Зачем тогда все это мне? Я взял и вернул свой тфиллин дедушке. Я знаю, что он обиделся, но мне не хотелось носить тфиллин всю жизнь, а врать дедушке — тоже. Помню, как он посмотрел на меня, пожал плечами, вздохнул и забрал тфиллин.

Дедушка ходил в синагогу два раза в день, и его там очень уважали. Однако мой отец и мы с братьями появлялись в синагоге редко. Еврейская обрядность казалась нам делом малозначительным. Я немного умел читать на иврите — то, что запомнил еще со времен своей Бар-

мицвы, знал большую часть молитв, но их пение было для меня делом формальным, лишенным какого-либо содержания. У меня не было ни малейшего представления о Боге Авраама, Исаака и Иакова. Иногда я все же молился, особенно когда у меня были какие-нибудь трудности или что-то болело, но чтобы понимать смысл высказанной в молитве просьбы или верить, что молитвы прибывают по назначению, — нет, этого не было.

И все же мне нравилось быть евреем. Мне нравились еврейские праздники, еврейская кухня и еврейский язык, который казался очень выразительным. Например, иногда мне трудно было подобрать нужное слово в английском языке, и его вполне удачно заменяло какое-то еврейское выражение.

Самые теплые мои воспоминания связаны с еврейскими праздниками: торжественность Рош-ха-Шана⁶ и Иом-Киппур⁷, радостное настроение на Песах⁸, детские подарки на Хануку⁹...

Из всех праздников я больше всего люблю Песах. Помню, как мы отмечали его в доме бабушки и дедушки. Во время Песаха мы ели только хлеб из бездрожжевого теста (мацу) в память об исходе наших предков из Египта, которые бежали и не могли ждать, пока подойдет тесто. Поэтому на время праздника из дому убирали весь хлеб из дрожжевого теста. Тарелки, горшки, стаканы, серебряная посуда — все заменялось. Бабушка хлопотала на кухне, и когда семья собиралась за столом для празднования пасхального седера¹⁰ и чтения Хагады¹¹, она просто светилась, излучая любовь и заботу, которые все

мы, шестнадцать или двадцать человек, ощущали на себе.

Меня интересовали главным образом еврейский образ жизни, еврейская политическая жизнь и еврейские организации. Я вступил в Союз молодых сионистов¹², когда мне исполнилось двенадцать, и оставался его членом до пятнадцати лет. Иногда я спускался в Нью-Йоркское метро и собирал у пассажиров деньги для Национального еврейского фонда. Я был постоянным участником всех съездов и дискуссий.

В феврале 1943 года в возрасте восемнадцати лет я пошел в армию, и там было то же самое. Иногда я заходил в синагогу пообщаться с другими молодыми евреями или же посещал ее по большим праздникам. Бог во всех наших религиозных службах или в наших разговорах занимал очень скромное место. Не помню, чтобы кто-то из моих друзей всерьез говорил о Нем. Мое отношение к Богу в то время было довольно циничным: действительно, видя происходящее в Германии, кто-то может верить в существование Бога? Что мы — «избранный народ»? Избранный для чего — для газовых камер? Сделайте одолжение, думал я, изберите для разнообразия кого-нибудь другого.

С Этель Дэйвид я познакомился, еще когда мы учились в Монтаукской восьмилетней школе. Я был годом старше, и у нас было мало общего, кроме того, что оба состояли в редколлегии и оба занимались музыкой. Этель играла на флейте, а я на трубе. Так как Этель

дружила с некоторыми девочками из нашей еврейской компании, мы иногда встречались.

Я пригласил ее на свою Бар-мицву как члена нашей компании, однако сама Этель не удосужилась включить меня в число приглашенных на свое шестнадцатилетие. Я был здорово огорчен. Тогда я явился без приглашения, на что Этель страшно рассердилась. Она бы непременно выставила меня за дверь, если бы не ее сестра Бетси.

После этого я почти не обращал внимания на Этель, вплоть до начала Второй мировой войны. Когда я ненадолго приехал в отпуск (вскоре меня должны были отправить за океан), мы неожиданно встретились у одного нашего общего друга. Она произвела на меня впечатление своей грациозностью и хорошим вкусом: волосы собраны на затылке, немного косметики; еще мне запомнились элегантный костюм и туфли на платформе. Я попросил разрешения проводить ее. Подойдя к дому Этель, мы проговорили еще час. Я был очень одинок, к тому же сильно переживал из-за того, что происходит в Европе, и потому с радостью принял ее предложение переписываться. В течение следующих полутора лет Этель не только писала мне замечательные письма, но и проявила поистине неистощимую изобретательность, присылая всякие небольшие сувениры. По окончании войны и после трех с половиной лет, проведенных в армии, я вернулся домой. Первое, что я сделал, — пошел прямо к ней. Был субботний вечер. Я позвонил и стал ждать. Ее мать, открывая мне дверь, сказала: «Входи, сынок! Действительно легок на помине».

Но Этель дома не оказалось. Она работала в магазине деликатесов на Пятой авеню, в районе Бруклина. Чтобы как-то убить время, я отправился к ней в магазин, который находился в восьми кварталах от ее дома.

Войдя в магазин, я увидел, что Этель обслуживала покупателя. Я стоял, уставившись на нее, и думал о том, как она хороша. Увидев меня, она заволновалась, и я почувствовал, как у меня замерло сердце. После того как она закончила работу, мы долго разговаривали, а потом договорились встретиться на следующий день в Проспект-парке, где Этель собиралась кататься на лошадях.

На следующее утро я приехал на свидание одетый в солдатскую форму, поскольку ничего другого у меня просто не было. На Этель же был светло-коричневый жакет, темные бриджи и коричневые, с высокими голенищами сапоги. Я смотрел, как она привязывает свою лошадь. Выглядела Этель просто шикарно. Я же чувствовал себя, как последний обормот.

Улыбнувшись, Этель взяла меня за руку и подвела к стоящей рядом лошади. Как только я к ней приблизился, лошадь начала фыркать и рыть землю копытами.

— Ничего себе, горячая лошадка, да? — пробормотал я, стараясь скрыть неловкость. По правде говоря, ездок из меня был никудышный.

— Она сразу успокоится, как только ты сядешь на нее, — заверила Этель, окинув меня испытующим взглядом.

— Н-да-а... — Несколько секунд я изучал лошадь. — По-моему, я ей не нравлюсь. Наверное, из-за формы. Давай-ка лучше поговорим, пока она успокоится.

Этель кивнула в знак согласия, и мы уселись на скамейку. Пока мы разговаривали, я отмечал про себя достоинства Этель: умная, веселая, женственная, уверенная в себе, интересный собеседник... Еще она оказалась наблюдательной и чуткой. Прошло что-то около часа и, заметив, что я не горю желанием кататься на лошади, она предложила вернуть мою неприветливую кобылу в конюшню.

Я быстро согласился, и Этель отвела обеих лошадей. Я настоял на том, чтобы заплатить за неиспользованное время, а потом мы вернулись на скамейку и продолжили разговор.

Уже спустя некоторое время, когда я учился в университете имени Джорджа Вашингтона, наши отношения переросли в серьезные.

В последующие два года наш роман переживал взлеты и падения, но мы любили друг друга и знали, что поженимся. В конце второго курса я стал подыскивать квартиру, так как в сентябре должна была состояться наша свадьба. Это было время, когда масса демобилизованных солдат возвращалась из армии и квартиры были в большом дефиците. Когда мне удалось найти жилье на Пи-стрит в северо-восточной части Вашингтона, я позвонил Этель:

— Зачем нам тянуть до сентября? Давай поженимся сейчас!

Через три недели кончался семестр, а три дня спустя — 26 мая 1948 года — Этель Дэйвид стала миссис Стэнли Тэлчин.

Окончив университет имени Джорджа Вашингтона и получив степень бакалавра в области театрального искусства, я поступил в Католический университет¹³ для учебы в аспирантуре. Незадолго до окончания университета меня пригласили в «Плэйрз инкорпорэйтэд» — университетскую гастрольную труппу, чтобы сыграть Макбета в «Макбете» и Леонардо в «Много шума из ничего». Этель тоже пригласили в труппу в качестве костюмера и оформителя. Мы гастролировали в двадцати девяти штатах Америки и в Канаде в течение девяти месяцев, посетив более ста двадцати двух городов. В конце гастролей, проходивших с головокружительным успехом, мы с Этель отправились в Нью-Йорк попытать своего счастья на театральном Бродвее.

Вскоре наступили тяжелые времена. Этель пришлось устроиться на работу в один из универмагов менеджером по оптовым закупкам. Я после нескольких месяцев безуспешных поисков ролей в конце концов вынужден был пойти продавать галстуки в один модный магазин для мужчин. Потом я устроился работать в Международный еврейский фонд Большого Нью-Йорка.

К 1952 году мы с Этель уже знали, что наше будущее не будет связано ни с театром, ни с Нью-Йорком. Мы вернулись в Вашингтон. Я устроился на работу в Государственную израильскую программу по продаже акций под начальством Гарри Брэггера. Там-то и обнаружился мой дар работать с людьми. Когда Гарри основал свою собственную фирму подобного рода, он пригласил меня работать у него в качестве исполнительного директора

экономического отдела. В последующие два года мне пришлось много путешествовать, ведь мы проводили кампании и для Брэндайского университета, и для различных еврейских организаций.

Именно в то время родилась Джуди, и мы купили свой первый дом. Когда мы поняли, что командировки по четыре дня в неделю — не лучший способ построить семейную жизнь, я перешел работать в страховую компанию. Через два года, в 1957-м, родилась Энн. К тому времени моя новая карьера принесла мне полный достаток.

Шли годы, развивались отношения в нашей семье. Религиозную школу для своих детей я выбирал очень тщательно. Джуди закончила курсы по еврейской культуре незадолго до Бат-мицвы, перед тем, как ей исполнилось шестнадцать лет. Энн отпраздновала Бат-мицву¹⁴ до того, как ей исполнилось пятнадцать. Девочки многое узнали о еврейском народе, о нашей истории, но они совсем ничего не знали ни о Торе, ни о Боге. Об этом говорили мало как в реформистской синагоге¹⁵, куда мы все ходили, так и у нас в доме. Социальные проблемы? Да. Еврейская политическая жизнь? Разумеется. Но Бог? Боюсь, что нет. Дать девочкам то, чего не было у нас самих, мы не могли.

Со временем я стал преуспевающим страховым агентом с огромным списком подписчиков, регулярные взносы которых навсегда упрочили мое финансовое положение, сделав меня пожизненным членом «Круглого стола миллиона долларов». Наш дом в городе Бетезда представлял собой громадный особняк, построенный в форме

буквы «Г», с огромным бассейном и великолепным садом. В доме были современно обставленная кухня, гостиная, столовая, зал, четыре спальни, четыре ваннные комнаты. Там же находились мой кабинет, комната для игр и просторная комната для просмотра телевизионных программ в цокольном этаже.

Работа на благо еврейских организаций принесла мне славу и награду «Человек года». Меня также выбрали в совет директоров еще одной организации и почетным членом двух других. Я был признанным и почетным членом еврейского истеблишмента.

И на все это Джуди посмела покушаться!

ПОИСКИ НАЧИНАЮТСЯ

В воскресенье вечером мы с Этель посадили Джуди на самолет, улетающий в семь тридцать в Бостон. Мы возвращались домой на нашем новеньком автомобиле БМВ «Бавария» молча. Я даже стал прислушиваться к гулу мотора. Казалось, чем дольше мы молчали, тем громче гудел мотор. Молчание было для нас делом непривычным, хотя, должен признаться, разговор обычно начинала Этель и с легкостью, какой не было у меня, поддерживала его. Однако в то воскресенье мы оба погрузились в свои мысли.

Я все думал о перемене, которая произошла в Джуди. Полгода назад она заявила, что не желает идти в синагогу на празднование Рош-ха-Шана.

Но я настоял на своем. Надувшись, Джуди надела на себя одно из самых своих коротких платьев и накрутила совершенно неподходящим для такого случая образом: ее густо оттененные веки, к тому же обведенные иссиня-черным карандашом, контрастировали с какой-то неживой бледностью лица. На фоне всех нас — меня, Этель и Энн, одетых довольно скромно, — наряд Джуди смотрелся дерзко.

Но та Джуди, которую мы только что проводили, совсем не напоминала прошлогоднюю: никакой косметики, глаза горят энтузиазмом и убежденностью, здоровый цвет лица. Да и одета она была нормально: так, как принято одеваться в нашем кругу, без всякой экстравагантности, свойственной молодому поколению. И вела она себя, несмотря на конфликтную ситуацию, намного ровнее, чем всегда.

Я все еще был погружен в свои мысли, когда Этель неожиданно задала мне вопрос. Это был очень простой вопрос.

— Стэн, что же нам теперь делать с Джуди? — спросила она.

— Что нам делать с Джуди? Конечно, вернуть ее к вере предков. Я почитаю Писание, как и обещал. Уж там-то я найду нужные доказательства и быстро опровергну все ее новые убеждения.

— И сколько же на это потребуется времени?

— На чтение Библии, думаю, я потрачу часов десять — двенадцать, ну от силы вечеров пять. А если понадобится какая-либо помощь — обращусь к раввину.

Придя домой, я стал подбирать нужные книги. К моему удивлению, их было хоть отбавляй. Прежде всего я достал старое издание Торы. Я знал, что она потребуется в качестве противовеса всяким Библиям, которые дала мне Джуди. У меня также был карманного формата Новый Завет с выделенными строчками пророчеств о приходе Мессии и со ссылками на ветхозаветные источники. Заодно я запасся и двумя другими изданиями Библии: одно — в переводе короля Якова¹⁶, а другое — так называемый Американский стандартный перевод¹⁷. Я разложил все это вокруг себя вместе с блокнотами и остро заточенными карандашами. Однако я чувствовал себя слишком усталым, чтобы тотчас же взяться за чтение, поэтому решил отложить все до следующего вечера.

В понедельник я буквально помчался домой с работы. После обеда, многозначительно взглянув на Этель, я вышел из кухни. Да, еще одно существенное дополнение: у меня был хороший запас сигарет.

Устроившись поудобнее в своем любимом кресле, я зажег сигарету и потянулся за Новым Заветом, в котором были выделены места с пророчествами о Мессии. Это было мое первое чтение Нового Завета, и поэтому я не знал, чего ожидать. Естественно, мое отношение было довольно враждебным, и я ожидал прочесть книгу, написанную в духе ненависти к еврейскому народу. В конце концов, как же иначе объяснить события последних двух тысяч лет?

Я открыл книгу и прочел надпись на первой странице: «В знак признательности за подаренную мне Книгу я буду читать ее и молить Бога, чтобы Он открыл мне истину».

СОВЕТЫ

1. Читайте не менее одной главы ежедневно.
 2. Попросите Бога открыть вам истину, пока вы читаете.
 3. Прочитайте ссылки на Ветхий Завет.
 4. По возможности носите книгу с собой в кармане.
- Этот текст немного озадачил меня. «Кто же это написал?» — недоумевал я.

На следующей странице я прочел:

«О Бог Авраама, Исаака и Иакова! Открой мне истину, пока я читаю, и помоги последовать за Твоим светом. Аминь».

Внизу было написано несколько строчек на иврите — очевидно, перевод написанного. Было немного странно видеть подобную молитву в чисто христианской книге. Я быстренько перелистал несколько страниц и принялся читать Евангелие от Матфея.

Первое место, на котором я остановился, было в первой главе, где описывается непорочное зачатие и рождение Иисуса Христа. Обратив внимание на ссылку (Исаия, 7:14), я открыл свое старое издание Торы и стал искать это место. Его не было. Однако в Библии короля Якова я прочел: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил».

А я-то всегда считал, что этот библейский стих, который я видел на всех рождественских открытках, взят из Нового Завета! Найти его в Ветхом Завете было для меня настоящим шоком!

И все-таки доктрина непорочного зачатия и рождения Иисуса Христа была настолько непонятной, что я отложил Книгу пророка Исаии в сторону и продолжил читать Евангелие.

Наткнувшись в четвертой главе на упоминание о дьяволе, я заерзал на стуле. Ни в какого дьявола я не верил и всегда жалел тех, кто верил в него. В этой же главе приводилась ссылка на Второзаконие (6:13—15), я прочел: «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи, [и к Нему прилепись,] и Его именем клянись. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас; ибо Господь, Бог твой, Который среди тебя, есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли».

«Ну и ну! — подумал я. — Уж куда яснее! Может, это как раз то, что Джуди и сделала? И что же, я должен ее от этого отвести?»

Затем читаю еще: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть...» (Втор. 6:4). Вот это да! Краеугольный камень моей веры! Ключевое слово для всех евреев! Наш Бог один! Есть только один Бог. Как же Джуди могла попасться на удочку и поверить, что существует три бога и при этом верить в них?! Я тут же сделал пометку в своем блокноте, чтобы потом обсудить непорочное зачатие и Троицу с тем, кто был более сведущ в этих вопросах, чем я.

Но как раз в тот момент, когда я стал делать заметки в блокноте, у меня в голове мелькнули строчки только

что прочитанного стиха из Матфея, где Иисус говорит: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Евангелие от Матфея, 4:10). Иисус Сам говорит, что существует только один Бог! Я отложил в сторону блокнот, взял Библию и продолжил чтение.

Через несколько глав (в главе пятнадцатой) вдруг читаю о женщине-хананеянке, которая, подойдя к Иисусу, попросила Его о помощи, и Он ответил ей, что Он послан только для спасения заблудших овец дома Израилева. Это так и пригвоздило меня к креслу: Господи, как же мало я знаю об Иисусе! И ведь, по Его словам, Он пришел, чтобы помочь еврейскому народу.

На этом месте я остановился и отложил маленькую книжицу с пророчествами о Мессии, чтением которой занимался, и открыл большую Библию короля Якова. Открыв ее на главе шестнадцатой Евангелия от Матфея, я принялся за чтение. В стихе тринадцатом я обратил внимание на то, что Иисус спрашивает: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» И Симон, он же Петр, отвечает ему: «Ты — Христос, Сын Бога живого». Иисус ответил на это: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах».

И опять я прервал чтение и стал размышлять: за кого же Его принимали? И за кого принимаю Его я? Неужели Он и есть Мессия? Неужели у Бога мог родиться Сын?

Я вновь сделал пометки в блокноте, и потом уже весь вечер был поглощен только чтением Библии. То ли по-

тому что я любил театр и знал язык средневековой Англии, то ли в силу своего еврейского происхождения, но я живо представлял себе людей и события библейских времен, как будто разворачивающиеся у меня перед глазами.

Через три часа я закончил читать Евангелие от Матфея, кончилась и моя пачка сигарет. Откинувшись головой на спинку кресла, я закрыл глаза и мысленно попытался суммировать прочитанное. Вместо ожидаемой мной антисемитской книжки, исполненной ненависти к еврейскому народу, книжки, содержащей в себе яд лжи, передо мной была серьезная книга, написанная евреями для таких же, как и они, евреев о Боге Авраама, Исаака и Иакова и о Человеке, Которого называли израильским Мессией. Полное противоречие всему тому, чего я ожидал.

Закончив чтение, я прошел на кухню, чтобы вместе с Этель выпить чашку чая. Ее взгляд был вопросительным.

— Начало хорошее... — сказал я.

— Ну и сколько ты уже прочитал?

— Все Евангелие от Матфея.

— Ну и как?.. Наверное, сплошной антисемитизм?

Я ответил не сразу, стараясь собраться с мыслями:

— Да ты знаешь, нет; ничего антисемитского в ней нет. Просто там рассказывается об этом Человеке, Иисусе: чем Он занимался, что говорил...

— Ну и нашел что-нибудь, что поможет нам опровергнуть то, во что теперь верит Джуди?

— Пока еще нет. Но ведь я только начал! По крайней мере, сейчас я хорошо себе представляю, что это за книга.

— Что же ты можешь сказать по поводу прочитанного?

Я тупо уставился на Этель.

— Что ты имеешь в виду? — буркнул я.

— Я хочу спросить, все ли из того, что ты прочитал, убедительно?

Я энергично замотал головой, подавляя собственные мысли и, несмотря на поступающий в кровь адреналин, высказывая полное отрицание всему, во что успела поверить Джуди.

— Вот почитаю еще — и найду то, что мне надо. Тогда-то уж мы припрем ее фактами!

На следующий день по дороге на работу я думал только об одном: как же Джуди могла так поступить? Как она смела отплатить нам такой неблагодарностью? Ведь воспитывалась в прекрасном доме, училась в самых лучших школах, имела все, чего только ни пожелает!.. А наши еврейские обычаи — они так красивы! Как же она посмела от всего этого отвернуться?

От своего дома в Бетезде до офиса на Коннектикут-авеню в Вашингтоне я доехал за пятнадцать минут. Офис находился на пятом этаже и выходил окнами на западную часть города, которую один мой коллега прозвал «золотым берегом» из-за большого количества миллионеров — страховых агентов, снимающих свои офисы в этой части

здания. Не успел я приехать на работу, как тут же помчался к Джорджу, чтобы посоветоваться.

Джордж не был евреем, мы просто работали вместе в страховом агентстве. Хотя мы и конкурировали подружески, но приятелями не были. Около полугода назад он стал христианином. Однако я никак не мог взять в толк, что он под этим подразумевает: ведь он и так уже был епископом.

Я никогда ни о чем не спрашивал его и даже старался с некоторых пор избегать встреч с ним, так как он стал вдруг чересчур рьяным христианином: говорил о своей вере с каждым встречным, и к тому же раздавал книги, брошюры и кассеты.

Случись у кого приступ радикулита, как он тут же приказывал страдальцу сесть и начинал о нем молиться. Как-то раз, когда Этель застудила спину и лежала в постели с радикулитом, Джордж спросил, можно ли ему прийти к нам и возложить на Этель руки. Я понятия не имел, что он имел в виду, и в ответ лишь пробурчал неприветливо: «Послушай, Джордж, я знаю, что ты желаешь нам только добра. Но если ты возложишь на нее хотя бы одну руку, то я за себя не ручаюсь... Иди-ка ты пододру-поздорову!»

Этот случай создал между нами стену отчуждения, но, тем не менее, я знал, что поговорить обо всем с Джорджем мне следовало, поскольку он был единственным христианином, с кем я мог поговорить о Джуди. Кроме того, Джордж в последнее время немного умерил свой христианский пыл.

Когда я зашел к нему в кабинет, он разговаривал по телефону. Увидев меня, он показал рукой на стул. Я сел. Через минуту он повесил трубку и поздоровался. Я начал было разговор о том, о сем, но через какое-то время не удержался и поделился своим горем:

— Знаешь, моя дочь поверила в Иисуса!..

— Слава... — Джордж осекся на полуслове, сдерживая прорывавшийся наружу восторг по поводу услышанного, и посмотрел на меня изучающим взглядом. — Ну и ты, конечно же, расстроен?

— Разумеется! Более того, мы с Этель считаем это просто предательством! Да еще от родной дочери!..

На лице Джорджа промелькнуло что-то вроде сочувствия. Он встал из-за стола, закрыл дверь и сел на стул рядом со мной:

— Давай поговорим.

Чувствуя себя, словно в западне, я тем не менее обо всем ему рассказал. Джордж, будучи человеком довольно открытым, не мог скрыть всей гаммы своих эмоций — от любопытства и острого интереса к случившемуся до озабоченности нашей семейной драмой.

— Я понимаю, Стэн, тебе сейчас больно. Может, тебе чем-нибудь помочь?

— Даже и не знаю... Я даже не знаю, почему зашел к тебе. Ведь я сам негодовал по поводу твоих попыток обратить меня в христианство.

— Ничего подобного. Я и не собираюсь обращать тебя в свою веру, — быстро нашелся он. — Я уважаю в тебе еврея. Просто мне бы хотелось, чтобы ты поверил в то,

что Иисус и есть ожидаемый Мессия. Я знаю многих евреев, которые верят в Христа. И все они продолжают оставаться евреями.

— Как это возможно?

— Я попробую объяснить тебе все это следующим образом. Между евреями и людьми из других народов всегда будет разница — разница в культурном наследии, обычаях, образе жизни. Да ведь и не все, кто не является евреем, верят в Христа. Чтобы стать верующим — будь ты евреем или нет — нужно лично ощутить Христа в своей жизни. Говоря твоим языком, нужно признать Его в качестве Мессии. Вера в это изменит всю твою жизнь, однако вместе с тем ты не перестанешь быть евреем.

Я только покачал головой, не зная, что ему на это возразить.

— Знаешь, Стэн, дам-ка я тебе несколько книг на эту тему. Их написали такие же люди, как и ты, с такими же проблемами.

— Нет-нет, спасибо, Джордж. Мне никаких книг не надо.

Джордж посмотрел на меня и понимающе кивнул головой:

— Если нужна будет моя помощь — всегда пожалуйста.

В тот вечер дома я с головой окунулся в чтение Евангелия от Марка. Я начал читать по книге Нового Завета с выделенными местами пророчеств, но поскольку шрифт был очень мелкий, я решил взять Американский стандартный перевод. Читать его было проще по двум причи-

нам: во-первых, шрифт был крупнее, а язык современнее, а во-вторых, слова Христа сопровождались пометкой на полях «Мессия». Слышать или произносить имя Христа для меня было трудно, в нашем кругу это допускалось разве что в шуточных восклицаниях. Оно, это имя, так и застревало у меня в горле комком. Да и как могло быть иначе: за всю свою жизнь я слышал имя Христа тысячи раз, и всегда только в отрицательном смысле. Да мне и вообще ничего не хотелось о Нем узнавать. Но вот «Мессия» — это совсем другое дело. О Нем-то я хотел узнать все, что только возможно. А существующие в Американском стандартном переводе ссылки заметно облегчали чтение.

Наконец во вторник я кончил читать Евангелие от Марка, а в среду и Евангелие от Луки. В блокноте появлялось все больше и больше записей, и мне приходилось все чаще заглядывать в Ветхий Завет. Вскоре я решил, что не могу больше зависеть только от христианского варианта Библии.

Я пошел в магазин еврейских книг и купил себе экземпляр еврейской Библии. Издание было полным, а не сокращенным, как это нередко бывает. Я стал пользоваться им при чтении ссылок на Ветхий Завет и убедился, что они полностью совпадают со ссылками в Библии короля Якова, разве что в выборе слов переводы немного расходились.

В четверг вечером я занялся Евангелием от Иоанна, которое мне очень понравилось. Читал я медленно, воспроизводя все события в своем воображении. К пятнице

я полностью закончил Евангелие от Иоанна и стал размышлять над всеми четырьмя Евангелиями. Единственное, чего я никак не мог понять, — это почему четверым евангелистам понадобилось описать свой вариант случившегося. Что ж, по крайней мере, первую часть своего задания я выполнил, теперь — за опровержение прочитанного!

Я посмотрел на свой блокнот с множеством пометок, сделанных за долгие часы чтения. В них содержалось немало вопросов. И что же они дают в сумме?

Кофе был уже готов, и Этель с нетерпением ждала меня на кухне.

— Ну, как дела? — поинтересовалась она.

Налив себе чашку кофе и задумавшись, я стал медленно пить.

— Закончил первые четыре книги. В них написано то же самое, но другими словами. Евангелие от Иоанна, пожалуй, самое интересное.

— Я тоже такого мнения.

Я с удивлением посмотрел на жену:

— Ты что, читала Библию?

Она кивнула.

— Мне ведь тоже хотелось во всем убедиться самой!

Я тяжело вздохнул.

— Наверное, ты права. Ты что-нибудь нашла, что пригодится нам в разговоре с Джуди?

— Да нет, не нашла...

— Ну, и что же ты думаешь?

— То же, что и ты. Иисус был хорошим Человеком,

но все Его идеи не принимались евреями — как тогда, так и сейчас. Почему же мы должны думать иначе?

— Да, ты права. На это нам и нужно будет обратить внимание Джуди.

Мой разговор с Этель еще больше укрепил во мне желание самому найти ответы на все вопросы. Кажется, со мной что-то начинало происходить...

Вопрос о том, что нечто происходит с Джуди, стал отодвигаться на второй план. Передо мной теперь встала другая проблема, личного характера: мне необходимо было найти истину...

ХЕЙДИ

Пожалуй, самое время представить вам Хейди. С апреля 1969 года она работала у нас экономкой и стала почти членом семьи.

Ее настоящее имя было Хейди Карнейро Мартинс де Суза. Поскольку такое не сразу выговоришь, мы звали ее просто Хейди. Она была высокой, смуглой, с довольно привлекательной внешностью, и к тому же умной. Родом Хейди была из города Ресифе в Бразилии.

Весной 1969 года, незадолго до Бат-мицвы Энн, мы несколько раз нанимали экономок, но все неудачно. Мы совсем было приуныли. Ведь на празднование Бат-мицвы Энн, которое было запланировано на июнь, мы пригласили около ста пятидесяти человек, и Этель через

соседей с лихорадочной поспешностью пыталась узнать, нет ли у них на примете какой-нибудь хорошей экономки.

Одна соседка посоветовала нам взять свою знакомую женщину, приехавшую недавно из Бразилии, которая, возможно, согласилась бы недолго поработать у нас. Так Этель познакомилась с Хейди. Как выяснилось, у Хейди было прекрасное образование, и она происходила из очень хорошей семьи, которая осталась в Ресифе, Бразилии. Хейди приехала в Штаты, чтобы выучить английский и подзаработать немного денег, нанявшись в Калифорнии к кому-нибудь в экономки. В Вашингтоне у нее жила двоюродная сестра, в гости к которой она и решила заехать перед отъездом в Бразилию. Этель спросила ее, не может ли она нам помочь в праздновании Бат-мицвы, и Хейди согласилась.

Все мы сразу же полюбили Хейди. Бат-мицва прошла блестяще, и в том была немалая заслуга Хейди. Она согласилась остаться у нас и после Бат-мицвы прожила с нами почти целых девять лет.

Как-то Хейди сказала, что является христианкой, и с тех пор я не переставал думать о том, как, наверное, трудно быть истинным христианином в католической стране. Однако она об этом особо не распространялась, если только мы сами не задавали вопросов. Мы очень привязались друг к другу. После того как, нанеся нам глубокую душевную травму, Джуди уехала, я случайно подслушал разговор между Хейди и Энн на кухне.

— То, что сделала Джуди, просто ужасно! — осуждающе сказала Энн.

— Да, конечно, для всех вас это просто шок, я вам сочувствую.

— Почему же она так поступила?

— Наверное, она почувствовала большую потребность в Боге... — спокойно ответила Хейди.

— Да, но ведь мы и так верим в Бога!

— Знаю, но, очевидно, Джуди нужно было гораздо больше, чем просто верить в Него.

— Что ты имеешь в виду?

— Она хотела познакомиться с Ним как с личностью.

Энн на минуту замолчала.

— Мне кажется, я потеряла лучшего друга!.. — вздохнув, сказала она.

— Постарайся посмотреть на все глазами Джуди. — Хейди обняла Энн за плечи. — Она нашла то, что наполняет ее радостью. У нее это на лице написано. Она даже похорошела с тех пор, как я видела ее в последний раз. А если Джуди счастлива, почему ты не можешь порадоваться за нее?

— Ах, Хейди, тебе этого не понять! — воскликнула Энн с легкой досадой и, обернувшись, увидела меня.

Она бросилась мне на шею со слезами:

— Папа, я чувствую себя какой-то брошенной. Ведь Джуди была моим лучшим другом, мне даже все завидовали. А теперь я и не знаю, с какой стороны к ней подойти... Она так изменилась. И выглядит как-то по-другому. Разговаривает по-другому. Когда я хочу с ней о чем-то поговорить, то выходит просто разговор, ничего больше... Папа, что же нам делать?

Слезы начинали застилать мне глаза, хотя я пытался успокоить Энн. Мне нужно было во что бы то ни стало переубедить Джуди. Ей нужно открыть глаза на то, что она сделала со всеми нами своим сумасбродством. Ей следует бросить все эти глупости!

Среди всех моих многочисленных заметок по поводу четырех Евангелий, я пометил звездочкой вопрос о непорочном зачатии Иисуса как «явную чушь». Как мог Иосиф поверить во всю эту галиматью?

Однажды, сидя у себя в комнате и размышляя над этим вопросом, я мысленно перенесся в 1949 год, когда в Католическом университете, где я учился на последнем курсе, со мной произошел довольно неприятный случай. Мне в голову никогда не приходило, что когда-нибудь я буду учиться в аспирантуре Католического университета. Да я бы и не стал учиться там, если бы мне попытались насильно навязать курсы по богословию или католической философии, по латыни или греческому. Однако единственным обязательным «католическим» курсом были «вопросы морали в литературе и искусстве». «Хуже от этого никому не будет!» — подумал я и записался на курс.

Весной 1950 года мне довелось играть роль аббата Лоренцо в «Ромео и Джульетте», поставленной нашим факультетом. Постановка имела исключительный успех, и критики расхваливали ее наперебой. Неприятная сцена произошла не на подмостках, а за кулисами.

Луи Камулли, прекрасный актер и добропорядочный католик, играл роль Бенволио. Насколько мне помнится, вместе мы участвовали только в одной сцене — в пятом акте, когда Ромео приходит в склеп и совершает самоубийство, думая, что Джульетта мертва.

Во время этой долгой сцены мы с Луи сидели на верхней площадке лестницы, ожидая своего выхода — спуска в склеп. Пока ждали — разговорились. В тот вечер Луи стал рассказывать мне о непорочном зачатии. Я выслушал его, а потом высказал, как мне казалось, весьма оригинальную мысль:

— Не заливай, Луи! Несмотря на все свое уважение к тебе и к твоей религии, я не могу допустить, что ты веришь в рассказы о непорочном зачатии! Ума не приложу, как такое возможно! Ведь ты не какой-нибудь идиот — уж, наверное, понимаешь, что к чему. Как же ты можешь всему этому верить?!

Посмотрев на меня, Луи серьезно ответил:

— Верю, потому что Господь мне дал дар веры.

— Ну а у меня его нет! — парировал я. — Такого дара у меня нет.

Вот и все. Больше на эту тему Луи никогда со мной не заговаривал, и мне казалось, что своей логикой я одержал победу над его суеверием.

Я опять сконцентрировал внимание на библейских стихах, которые читал, и невольно подумал: «Да... Вот бы нам встретиться с Луи сейчас!..»

От этой мысли мне стало как-то не по себе. Я вынул сигарету и пошел в кухню «заправиться» кофе. Там я

застал Хейди и решил обрушить весь свой скептицизм на нее.

— Хейди, ты себя считаешь хорошей христианкой?

Она покачала головой:

— Я только стараюсь ею быть.

— Да, но ведь ты веришь в Иисуса?

— Да.

— А в непорочное зачатие?

Хейди задумалась.

— Да. Для меня это вполне приемлемо.

— Ну как ты можешь говорить такое!

— Если бы Божий Сын пришел на землю обычным способом, Он не был бы Богом. Иисус же — другое дело! Сам Бог избрал невинную девушку, чтобы она родила Христа.

Я не удержался и фыркнул:

— Зачем же Богу нужно было проходить через такое? Разве нельзя было просто послать Иисуса на землю в человеческом облике, чтобы Он сделал то, что должен был сделать?

Хейди ставила грязные тарелки в посудомойку. Она не торопилась с ответом, но было заметно, что мой вопрос задел ее за живое:

— Вы уж меня извините, мистер Тэлчин, но у меня нет глубоких познаний в богословии. Если мне что-то непонятно, я на время прекращаю думать над этим и просто верю, что Господь даст мне разумение, если Ему будет угодно.

Я прошел к себе в комнату, думая о том, что Хейди, как и все христиане, многое принимает в религии на веру,

потому что так им велит пастор или священник. Однако меня умилили ее честность и открытость. Что бы она ни говорила, все было прозрачно-чистым, как вода в горном источнике.

Этель также вела с Хейди долгие разговоры на эту тему. Бедная Хейди! Ну и досталось же ей от нас, сердито обрушивающих на нее лавину всяких вопросов! Но я не помню случая, чтобы она хоть раз обиделась за это. Ее любовь и сострадание к нам, казалось, были неистощимы.

Прочитав и проанализировав все четыре Евангелия в Новом Завете, я обработал свои заметки и набросал для себя пять основных вопросов, которые мне нужно было разрешить:

1. Верю ли я в существование Бога?
2. Верю ли я в то, что еврейская Библия (Танах) богодухновенна?
3. Есть ли в Библии пророчества о пришествии Мессии?
4. Является ли Иисус Мессией?
5. Если да, то что мне от этого?

Я несколько раз перечитал вопросы с растущим чувством враждебности. Да, я вел настоящий поиск, на который, возможно, мне придется потратить несколько месяцев. А откуда же взять на это время?

Не успел я задать себе этот вопрос, как понял в глубине души, что время здесь ни при чем. Большую часть

работы в офисе я мог доверить своей очень компетентной секретарше Дженни Бигнелл.

Я пришел к одному-единственному выводу: найти ответы на эти вопросы стало жизненно важным для меня делом.

ВО ЧТО Я ВЕРЮ?

Первый вопрос, на который мне предстояло ответить: верю ли я в Бога?

Дело было вовсе не в теории. Я больше не собирался копать в философствованиях великих биологов и ботаников. Хотя я и мог бы «предоставить» слово Дарвину, на что он, конечно, имел право, но в тот момент его мнение для меня не было важно. Я ставил вопрос перед самим собой, и отвечать на него предстояло только мне.

Начав размышлять, я вспомнил все прочитанное накануне. Из этого следовало, что у любого, кто верил в так называемого Создателя, в голове не хватало какого-то шарика. Все открытия указывали на то, что Земле уже миллиарды лет, а тем самым явно подтверждалось следующее: библейский Бог является просто плодом человеческой фантазии.

Мне вспомнилось, как в детстве я слышал слова о том, что «Бог — просто вымысел человека». Человек создал Бога по своему подобию, утверждали многие, потому что не мог вынести реальности бытия. И все в том же духе: «Бог помогает уйти от действительности», «Религия го-

дится только для коров и католиков» и так далее. Эти и другие подобные им «остроумные» высказывания, вероятно, были призваны возвысить остряков над толпой: пусть знают, что есть человек, который может стоять на своих ногах, не рассчитывая на чью-либо помощь. Добившийся всего собственными усилиями человек как будто предупреждает: «Постарайтесь прожить эту жизнь как можно полнее, ведь живым вам из нее не выбраться».

Размышляя об этом, я сидел у себя в комнате, и вдруг мне в голову пришла мысль, что высказывания других людей о Боге мне известны, но вот что я сам думаю о Нем — этого мне формулировать еще не приходилось. Да я и вообще не помню, чтобы мне когда-нибудь приходилось говорить по этому поводу с кем-либо другим — с родителями, братьями, сестрами, друзьями, даже с женой. Мы почему-то просто не касались этой темы. Слушая разговоры о Боге всю свою жизнь, я никогда не чувствовал, что кто-то старается навязать мне то или иное отношение к Нему.

Все же временами я и сам обращался к Богу. Помню один случай — мне было тогда лет семь. Мы жили в уильямсбургской части Бруклина, в четырехэтажном многоквартирном доме на Пуласки-стрит. Рядом с домом был пустырь, на котором рабочие иногда разводили костер и варили в ведрах смолу, а потом по веревке поднимали эти ведра на крышу.

Однажды, когда рабочие ушли, мы, дворовые мальчишки, увидели, что они оставили ведро с кипящей смолой на костре. Бенжи, один из самых взрослых мальчи-

ков, нашел где-то черенок от метлы и подозвал нас к себе. Продев черенок под ручкой ведра, Бенджи ухватился за один конец и приказал мне взяться за другой. Так как он был старше, я повиновался. Мы подняли ведро и понесли. Я был меньше ростом, и тяжелое ведро стало сползать в мою сторону. Чем ближе ко мне передвигалось ведро, тем тяжелее оно казалось. Меня уже обдавало жаром смолы.

— Мне тяжело! — закричал я.

— Ничего, держись, — буркнул он.

В конце концов я не выдержал и выпустил конец палки... Ведро грохнулось о землю, обдав меня горячей смолой до самых колен. Боль была невыносимой, и я заорал как резаный. Остальные мальчишки лишь беспомощно смотрели.

Наконец двое ребят опомнились и бросились мне на помощь. Когда они волокли меня домой, держа под мышки, я возопил к Богу: «Боже, как же Ты позволил такому случиться? За что? Пожалуйста, убери эту боль!» И все же боль не проходила, и мне пришлось несколько недель проваляться в постели с ожогом третьей степени. Из этого я сделал вывод: либо Бог не услышал мои молитвы, либо Его просто нет.

Начался затяжной период сомнений и безразличия. Все же что-то удерживало меня от того, чтобы стать атеистом. Возможно, этого не случилось из-за религиозного рвения моей матери, которая каждую пятницу зажигала свечи и искренне молилась Богу, или же из-за моих дедушки и бабушки, которые боролись за то, чтобы

мы все ходили в синагогу и вообще сохраняли еврейские обычаи.

Когда мы проходили в школе теорию эволюционного развития видов, я вконец запутался. Тогда-то я и сделал для себя вывод: чтобы принять теорию эволюции, нужно отказаться от веры в то, что Бог повелел Моисею привести избранный народ в землю обетованную. Но отказ от веры в Бога означал отказ от своих еврейских корней, а этого я сделать не мог. Оставалось просто не думать об этом.

Теперь же, по прошествии стольких лет, мне предстояло разобраться, верю ли я в Бога.

Я, окруженный книгами и блокнотами, сидел подавленный серьезностью вопроса... На какое-то время во мне поднялась волна протеста. С какой стати я должен верить в какого-то там Бога, Который просто проигнорировал молитву мальчика, его просьбу облегчить боль? И кто Ему позволил обрекать Свой избранный народ на такие страдания — ведь почти шесть миллионов евреев были зверски истреблены нацистами!

Однако какое-то глубинное чувство справедливости заставило меня взглянуть на все это с другой стороны и признать, что Бог (или какая-то Высшая Сила) отнесся к нашей семье благосклонно, защитив нас во время Второй мировой войны, а после войны Он позволил нашему народу обрести родину в Израиле. Ведь не всем евреям пришлось плохо!

Моего протеста — как не бывало, и где-то в глубине души я понял, что верю в Бога и что всегда верил в Него,

хотя и неосознанно. Ума не приложу, каким образом я пришел к этому умозаключению и каковы будут его последствия, но я знал: Бог есть. Почему и каким образом Он избрал еврейский народ, почему Он позволил случиться всему, что с ним случилось, — понять это было выше моих сил. Да этот вопрос и не занимал меня в то время. Я просто верил, что Бог — или то, что под Ним подразумевают, — действительно существует.

Это решение заставило меня задать другой вопрос: верю ли я в то, что Библия — богодухновенное Святое Писание? Или же я верю в то, что Библия — просто история еврейского народа? Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, насколько важно мне было тогда ответить на этот вопрос.

Откинувшись на спинку кресла, я стал размышлять. В тот момент я вспомнил один случай, произошедший за двадцать лет до описываемых событий. Когда Джуди исполнился один годик, мы купили наш первый дом. Как хозяин дома и как отец семейства я решил, что пора, наконец, начать жить духовной жизнью. Неподалеку — всего в нескольких кварталах от нашего дома — была одна консервативная синагога. И незадолго до Рош-ха-Шана, даже не побывав ни на одной службе, я написал заявление о принятии моей семьи в члены синагоги, а также обязался внести посильную лепту в строительный фонд.

Через неделю, на следующий же день после праздника, я понял, что совершил ошибку. Вполне допускаю, что где-нибудь за пределами синагоги, например, в кругу

семьи, раввин был прекрасным человеком, но во время службы меня не покидало ощущение, что у этого человека вместо языка — бритва. Доставалось всем, в то время как его персону критике не подлежала. Я тут же принял решение о выходе из членов синагоги — еще быстрее, чем подал заявление о вступлении.

В течение следующих месяцев мы ходили в разные синагоги, включая и нашу первую реформистскую синагогу. Раввином там был человек молодой и энергичный. Несмотря на то, что в этой синагоге не хватало тепла и обрядности, которые запомнились мне с детства, службы в ней велись исключительно на английском, а не на иврите. Я подумал, что компенсирую недостаток традиционности пониманием происходящего.

Мне нравилось, что он многое объяснял. Когда я впервые услышал его проповедь, он сказал примерно следующее:

— Некоторые приходят в храм, потому что они одиноки или потому что ищут партнеров по бизнесу, или потому что им не хватает понимания, или же они хотят найти себя, или надеются встретить супруга. Неважно, почему вы пришли, главное, что вы пришли. И давайте помолимся с надеждой на то, что вместе нам удастся обрести Бога.

Этот раввин пришелся мне по душе: он был умен и любознателен, да он и сам еще не обрел Бога! Это давало надежду и мне.

Чтобы лучше разобраться в основах иудаизма, я решил записаться на курс «Разница между религиями»,

который вел наш раввин. В первый же понедельник нас собралось человек двенадцать. Раввин задал нам очень важный вопрос. Настолько важный, что я запомнил его на всю жизнь.

— Если бы институт религии за одну ночь ушел в небытие: не осталось бы ни синагог, ни церквей, ни Библий, ни молитвенников, что бы тогда произошло? — спросил он.

Все присутствующие на минуту задумались. Затем кто-то предположил, что без какой бы то ни было формы религии наступил бы хаос. Исчезло бы основание, на котором строятся закон, брак и любая форма договора. Потом люди стали бы задавать вопросы: откуда я взялся на земле? От кого мы произошли? Кто создал Вселенную? Существует ли Бог? Каким образом я могу общаться с Ним?

Раввин подчеркнул, что эти вопросы задавались и задаются разными людьми в разные времена и ответы на них у всех разные. И так и должно быть!

— Ведь каждый может иметь свое мнение, не правда ли?

Присутствующие закивали в знак согласия. И вот на такой основе раввин стал вводить нас в курс сравнительного богословия.

Прошло двадцать лет с тех пор, как я прослушал этот курс, и только теперь, когда я стал задавать себе подобные вопросы, сидя в тиши своего кабинета, меня вдруг осенило, что основной тезис того раввина был совершенно несостоятелен. Весь его курс был построен на

ошибочной основе. Он заложил в нас неверное представление, будто нет объективных доказательств истинности той или иной религии. Однако это не так, поскольку всегда существовало зримое подтверждение того, что совершил Бог. На протяжении всей истории человечества еврейский народ был известен как народ Библии. Почему же нам так мало известно об этой Библии сегодня?

Я прошел на кухню в надежде встретить Этель. Она была как раз там.

— Ну что? — поинтересовалась жена, наливая мне еще одну чашку кофе.

— Поверить себе не могу, что мне пятьдесят лет, а я толком ничего не знаю о Библии.

— Ты что, пытаешься наверстать упущенное?

— Совершенно верно! Но мне до боли обидно, как подумаю, что за все эти годы я не припомню ни одного случая, когда бы мы обсуждали Танах¹⁸ — будь то с родителями, сестрами, братьями, друзьями и даже с раввинами. Единственное, что мне когда-либо приходилось читать — это молитвенник. Кому понадобилось скрывать от нас Библию? Как же так получилось, что до сих пор мне о ней ничего не было известно?

Мы с Этель молча смотрели друг на друга. Ответа на вопрос не последовало. Я повернулся и пошел к себе.

Усевшись в кресло, я взял блокнот и стал записывать все, что думал по поводу Библии. В 1973 году мы ездили в Израиль, и наш гид Цвика увлеченно рассказывал нам об археологических находках на территории Израиля. Я вспоминал, как он говорил, что по всему Израилю велись

раскопки и что археологи постоянно находили доказательства подлинности Священного Писания. Цвика с гордостью называл эти раскопки «живой Библией, события которой разворачиваются у нас перед глазами».

Незадолго до этого я узнал, что Библию, оказывается, перевели на греческий в 250 году до нашей эры, но что самые ранние рукописи на иврите датированы 916 годом нашей эры. Ничто не указывало на то, что они каким-то образом связаны друг с другом. Но вот в 1948 году в районе Мертвого моря были найдены Кумранские рукописи. Ученые установили, что эти рукописи были написаны около 100 года до нашей эры, что являлось важным доказательством подлинности Священного Писания.

Я заметил, что из всех найденных списков рукописей Исаии была наиболее полной по содержанию, а ведь именно в этой книге и содержится самое большое количество пророчеств о приходе Мессии. Когда ученые стали сверять найденный вариант пятьдесят третьей главы Исаии с известными ранее рукописями, они обнаружили разночтение только в одном слове, которое не имело важного значения в тексте.

Работая в течение нескольких недель, я сделал вывод, что сама Библия подтверждает собственную подлинность. Оставалось выяснить лишь одно: верю ли я в то, что Библия богодухновенна, или же считаю, что в ней просто содержится точное описание прошлого.

Я терзался этим несколько дней. Однажды вечером я взял блокнот и сформулировал вопрос по-другому:

«Что для меня легче: поверить в то, что Библия — просто история еврейского народа, или что Священное Писание богодухновенно?» У меня тут же появился ответ: мне легче поверить в то, что Библия богодухновенна. Таким образом я ответил на второй вопрос.

Теперь подойдем к третьему вопросу. Содержатся ли в Библии (Танахе) пророчества о приходе Мессии?

К этому времени я уже познакомился со многими верующими людьми — благодаря написанным ими книгам. Некоторые из них были евреями, но большинство происходили из других народов. У меня появилось несколько книг, заставивших меня задуматься о пророчествах в Ветхом Завете, — прежде я об этом никогда не задумывался.

Потом я обсуждал некоторые из этих пророчеств с христианами, с которыми познакомился уже лично. Они объяснили мне, что в Танахе есть особые пророчества о приходе Мессии, о существовании которых я даже не подозревал.

Я принялся читать их с особым рвением. В пророчествах говорилось о том, каким образом придет Мессия. Как Он родится. При каких обстоятельствах. Чем Он будет заниматься. Как Его примут люди. Как Он умрет. Когда. Что случится после Его смерти.

После долгого размышления над этими пророчествами у меня появилось ясное понимание того, что Мессия придет из рода Давидова. По этому поводу ни у кого из тех, с кем я обсуждал эту тему, не было никаких расхождений. Как-то раз, когда я просматривал пророчества из

Книги пророка Даниила, мне вдруг бросились в глаза следующие строчки:

«Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония и чтобы приведена была правда вечная... Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа¹⁹ Владыки — семь седмин и шестьдесят две седмины... И обстроятся улицы и стены... И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя...» (Даниил, 9:24–26).

Весьма заинтересовавшись прочитанным, но вконец запутавшись, я попросил одного верующего «со стажем» растолковать мне эти строчки, на что он ответил, что семьдесят седмин равны четырёмстам девяносто годам (семьдесят по семь). Затем он дал мне библейский справочник, где содержались более подробные истолкования данного пророчества. Если прибавить четыреста девяносто семь к дате восстановления Иерусалима, то с поправкой на разницу между лунным и солнечным календарями получалась дата, приходящаяся на время земной жизни Иисуса.

Смысл стиха тоже весьма примечателен. В нем говорится, что Его, Мессии, «не будет» и что город и святилище будут разрушены «народом вождя». Возможно, именно это и произошло в 70 году нашей эры, когда

император Тит разрушил Храм и город Иерусалим?

От этого пророчества у меня закружилась голова. Мессии для того, чтобы Его признали в качестве такового, необходимо доказать Свое происхождение из рода Давидова. А раз Храм (хранилище всех генеалогических ветвей) разрушен, то доказать, что кто-либо является Мессией, в принципе невозможно. Этот вопрос предполагал два альтернативных ответа: либо вся концепция Мессии в жизни еврейского народа является мифом, а Библия — сплошной выдумкой, либо же Мессия уже приходил перед 70 годом нашей эры!

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Чтобы разобраться в пророчествах о приходе Мессии, мне пришлось привлечь к исследованиям дополнительные источники. Я беседовал с раввинами, читал книги как еврейских, так и других авторов.

В середине мая мы с Этель в одном из вашингтонских кинотеатров посмотрели фильм «Дайбук»²⁰, сбор от которого целиком шел на благотворительные цели. Это старый, очень интересный фильм о духовной жизни верующих евреев. Местный раввин организовал просмотр для прихожан своей синагоги и запланировал в ближайшее воскресенье провести дискуссию по этому фильму.

Официальная часть дискуссии включала в себя обсуждение темы духов и демонов в еврейской литературе.

Когда обсуждение закончилось, я поднял руку и спросил, можно ли обсудить концепцию «души» в иудаизме. Раввин посмотрел на меня немного удивленно и сказал:

— А что такое душа?

Присутствующие засмеялись. Когда смех стих, он, уже серьезно, продолжил:

— Если под словом «душа» вы подразумеваете человеческую сущность — то, что делает каждого человека отличным от других, — мой ответ будет очень кратким: я не знаю. Я не знаю, что именно делает нас отличными друг от друга, не принимая во внимание наш генетический код, наследственность и окружение.

С этими словами раввин перешел к следующему вопросу. Через некоторое время я опять поднял руку и спросил его:

— Вы не могли бы рассказать нам о Мессии?

— А что такое Мессия? — спросил он в ответ на мой вопрос.

И опять все рассмеялись.

Теперь я уже знал, что сейчас лучше не продолжать исследование этой темы. После собрания я подошел к раввину. Поговорив с ним о том, о сем, я вдруг сказал, что его ответы на мои вопросы принесли мне большое разочарование, поскольку я действительно хотел узнать как можно больше о душе и о Мессии. Раввин внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Скажите, а с чего вы взяли, что у меня есть ответы на ваши вопросы?

— Да, но ведь вы же раввин!

Он покачал головой:

— Чем больше я живу, тем меньше, мне кажется, я знаю. По правде говоря, у меня, возможно, еще больше вопросов, чем у вас!

От его слов у меня пропал дар речи, хотя меня и обезоружила его искренность.

Как мог сказать подобное выпускник одной из самых известных консервативных еврейских семинарий в стране? Если он не мог ответить на эти вопросы, то куда уж мне!

Казалось, что именно в тот период у меня и возникало больше всего вопросов. Почему, когда я был маленьким и просил родителей купить мне что-нибудь такое, на что у них не было денег (это было во время депрессии), они отвечали: «Купим, когда придет Мессия!» Почему, когда евреев убивали в концлагерях нацистской Германии, многие их единоплеменники в синагогах говорили: «Скоро придет Мессия!»

Что это значит — Мессия?

Я полез в хорошо известные книги «История еврейского народа», «Евреи, Бог и история» и «Мой народ», но ни в одной из них не обнаружил интересующей меня информации. Я взялся за книгу Гершома Шолема «Мессиянская идея в иудаизме», но понял, что автор рассуждал с гуманистических позиций.

Затем я нашел книгу Джозефа Клауснера «Мессиянская идея Израиля» и, предвкушая найти ответы на свои вопросы, принялся за чтение. Автор придерживался концепции, согласно которой Мессия должен быть чело-

веком. Вот что он писал: «Содержащаяся в пророчествах надежда есть надежда на то, что в конце этого века появится могучий искупитель, который своим духом и властью принесет народу Израиля полнейшее обновление — политическое и духовное, — а вместе с тем обновит и всю земную жизнь, духовно усовершенствуя при этом человечество».

Чем больше я читал, тем больше нервничал. На целых пятистах страницах Клауснер пересказывал мнения разных людей по поводу пророчеств в Священном Писании и описывал многовековую дискуссию на эту тему. Некоторые говорили о мессианской личности, другие — о мессианском веке. Но среди всех этих споров непреложным оставался тот факт, что «мессианская идея, как драгоценный камень», сияла во всем учении иудаизма.

Если это утверждение истинно, как тогда получилось, что почти никто из евреев не говорит о Мессии сегодня? Как стало возможным, что о Мессии говорят со смехом? Почему так мало написано на эту тему? Почему я не мог найти никого, кто, обсуждая этот вопрос, не испытывал бы чувства неловкости?

Неужели мечта еврейского народа о Мессии так и останется мечтой? Разве мы уже выдохлись и никаких теорий о Мессии больше не будет?

Мое отчаяние достигло предела, потому что, с одной стороны, я исследовал все Писание и содержащиеся в нем пророчества, а с другой стороны, столкнулся с довольно противоречивыми мнениями на эту тему в книгах.

Когда я сравнивал теории, выдвинутые за многие века, с вопросами, которые поднимал Иоанн Креститель, то находил эти теории совершенно неудовлетворительными. Иоанн послал к Иисусу ученика с вопросом: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Евангелие от Матфея, 11:3).

Если никакого Мессии не ожидали, то почему же Иоанн задал этот вопрос? А Иисус на это ответил: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают, и хромы ходят, прокаженные очищаются, и глухие слышат, мертвые воскресают, и нищие благовествуют...» (Евангелие от Матфея, 11:4–5).

Отраженная в вопросе реальность и заключенная в ответе действенная сила произвели на меня гораздо большее впечатление, чем всяческие теории, описанные Клауснером в его книге.

Вот так и проходили дни — в раздумьях и исследованиях. К тому времени я почти забросил свою основную работу. Моя секретарша Джени получила от меня инструкции выполнять работу как можно тщательнее и звонить мне только в крайнем случае. У меня дома была более важная работа...

Теперь я занимался своими исследованиями с раннего утра до позднего вечера. Раньше я выкуривал за день пачку сигарет, а теперь больше двух. От усталости и дыма у меня покраснели глаза, и я видел, что Этель смотрела на меня с тревогой. Я знал, что она исподтишка наблюдает за мной.

В этот период мое общение с людьми стало предельно односторонним. Если они могли добавить что-нибудь интересное к моим исследованиям, то я поддерживал с ними разговор, но на болтовню о чем-либо у меня не было времени. В самом начале, когда мне удавалось найти что-то новое, я обычно приходил к жене и спрашивал ее, не попадалось ли ей это место в Библии или известно ли ей об этом. Затем я начинал обсуждать с ней то, что я прочел или открыл для себя.

Но в конце концов я понял, что дальше так продолжаться не должно. Мы очень любили друг друга, и нам постоянно хотелось сделать друг для друга что-то приятное. Однако изучение Библии было делом серьезным, поэтому мы как бы заключили взаимный договор: Этель будет продолжать читать сама по себе, а я сам по себе, и мы постараемся не влиять на мнение друг друга. Будем просто доверять друг другу и надеяться, что по окончании работы мы придем к одному и тому же выводу.

Пока я искал ответы на свои многочисленные вопросы, мне удалось сделать для себя несколько открытий. Одним из них было существование в городе Роквилле штата Мэриленд прихода Бет Мессия, где верующие — и евреи, и люди других национальностей — молятся вместе. Я помню свою реакцию, когда впервые услышал об этом: трудно было поверить своим ушам! Нужно было во всем убедиться самому. Я отправился туда и убедился, что так оно и было: среди верующих были и евреи, и люди других национальностей, и все вместе они молились в пятницу вечером ²¹. Там я познакомился с евреями всех

возрастов, профессий и социального положения, которые называли себя просто «верующими». Они считали себя «мессианскими евреями» и с радостью на лице говорили об «Иешуа ха-Машиахе» — имени, которое я раньше не слышал, но в переводе с иврита оно означало «Иисус-Мессия».

Как-то раз на вечерней службе в Бет Мессия один человек рассказал мне о своем давнишнем разговоре с неким пастором.

— Скажите, молодой человек, что вы думаете об Иешуа?

— По правде говоря, ничего!

— Почему?

— Потому что я еврей.

Молчание.

— А вам не кажется, что, возможно, Иешуа и есть обещанный Мессия?

— Нет, не кажется.

— Почему же?

— Я ведь вам уже сказал: я еврей!

— Скажите, а Новый Завет вы когда-нибудь читали?

— Нет.

— Ну а Ветхий Завет?

— Нет, не читал.

— Да... молодой человек... Не знаю, правильно ли я вас понял. Вы никогда не читали Ветхий Завет. Вы никогда не читали Новый Завет. Но вы уверены, что Иешуа не является Мессией. Правильно я вас понял?

— Правильно!

— Таким образом, вы сделали выводы, не имея на то оснований, не правда ли?

— Ну да...

Рассказ об этом диалоге выбил меня из колеи: ведь я относился ко всему точно так же до того, как Джуди заявила домой со своей ошеломляющей новостью.

На одной из вечерних служб в пятницу мы познакомились с одной парой — Диком и Мег, которые со временем стали нашими хорошими друзьями. Они не были евреями, но искренне любили евреев и к тому же очень хорошо знали Библию. После нашего знакомства в Бет Мессия они пригласили нас на чашку кофе. Сидя с ними в небольшом кафе недалеко от нашего дома, мы рассказали им, что произошло с Джуди и чем мы с тех пор занимаемся. Они также поведали нам о своей жизни, и у нас возникло взаимное желание познакомиться поближе.

Мы узнали, что Дик работал адвокатом на Капитолийском холме, а Мег вела с детьми библейские занятия. У них было двое очаровательных детей и прекрасный дом.

Мы стали дружить семьями. Нам с Этель нравилось, что они никогда не пытались навязать свои убеждения. Тем не менее они всегда с удовольствием отвечали на все наши вопросы, при необходимости ссылаясь на Библию.

Однажды, когда мы были у них в гостях, Мег сказала мне:

— Знаешь, Стэн, думаю, тебе следовало бы прочесть три особых отрывка в Библии, содержащие пророчества: Иеремия, 31:31, Исаия, 53 и Псалом 21.

Я записал все это и сказал Мег, что обязательно прочту отрывки, как только приду домой.

В тот же вечер я отправился к себе в кабинет и нашел в Библии места, о которых говорила Мег. Первое было из Иеремии.

«Вот наступают дни, — говорит Господь, — когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской; тот завет Мой они нарушили... Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, — говорит Господь. — Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иеремия, 31:31–34).

Я с трудом мог поверить своим глазам. Новый завет? Неужели Бог говорит, что Его уже не будут вспоминать как Бога, Который вывел нас из Египта? Как же так? Ведь именно в книге Исход описано, как мы получили Закон, которым и были утверждены в качестве Богом избранного народа!

Неужели наступают времена, когда Бога уже не будут вспоминать как Бога, совершившего все это? Когда же они наступят? Почему мне ничего не было известно об этом? Почему мы не говорили об этом ни дома, ни в синагоге?

Я выбежал из комнаты и помчался в спальню, чтобы поделиться своим открытием с женой. Было слишком

поздно, Этель уже крепко спала. Тогда я вернулся к себе в кабинет и открыл пятьдесят третью главу Исаии. Там я «наткнулся» еще на одно открытие:

«Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. <...> Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились. <...> Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так и Он не отверзал уст Своих» (Исаия, 53:3–5).

Разве это не точное описание обстоятельств жизни того Иисуса, о Котором я читал в Новом Завете, сделанное за сотни лет до Его рождения?

Затем я прочитал строчки из двадцать первого Псалма, написанного более чем за пятьсот лет до распятия Христа:

«Боже мой! Боже мой! [Внемли мне!] Для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего. <...> Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головой: „Он уповал на Господа. Пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему“. <...> Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прилип к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной. Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечить все кости мои; а они смотрят и делают из меня

зрелище; делят ризы мои между собой и об одежде моей бросают жребий» (Псалтирь, 21:2,8—9,16—19).

Читая эти строки, я как будто видел перед собой человека, повешенного на дереве. Пророчества становились для меня все яснее и понятнее.

В ту ночь я почти не спал. Я сидел в своем кабинете, размышляя почти до двух часов ночи, и уже точно знал, как я отвечу на третий вопрос: в Танахе содержатся-таки пророчества о приходе Мессии.

Однако появились другие вопросы. Исполнились ли все эти пророчества в Иисусе из Назарета? Является ли Он Мессией?

Я пришел в сильное волнение.

Все, что было в моей душе от обычного омирщвленного еврея, кричало: «Не отвечай на эти вопросы! Вспомни крестоносцев! Вспомни инквизицию! Вспомни погромы! Вспомни все то, во имя чего уничтожали евреев на протяжении последних двух тысяч лет под знаменем христианства!»

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАКЛЮЧАЮЩИМИ ЗАВЕТ

В этот период мы продолжали регулярно разговаривать с Джуди по телефону. Наши беседы всегда были разными. Хотя мы старались придать им непринужденный тон, они были насыщены разнообразной инфор-

мацией. Мы не говорили Джуди о своем изучении Библии, но видно было, что она догадывается об этом.

Отношения между Джуди и Энн были гораздо более натянутыми. Прежде они были очень близки друг с другом, даже нельзя было подумать, что между ними четыре года разницы. У них было много общего. Они часто рассказывали друг другу анекдоты и забавные истории, всегда смеялись и шутили. Теперь все стало по-другому. Энн даже не хотела разговаривать с Джуди по телефону. Каждый раз, когда мы пытались объяснитьсь с Энн, она вскакивала из-за стола и со слезами на глазах убегала в свою комнату.

Когда Джуди звонила и просила позвать Энн к телефону, та всячески отнекивалась. Если же случалось так, что Энн сама брала трубку, когда звонила сестра, Энн говорила короткими, отрывистыми предложениями, а потом быстро подзывала к телефону кого-нибудь из нас.

Мне тоже было тяжело переносить все это. Да и приободрить Джуди у меня не получалось — у самого сердце разрывалось на части, а рассказать ей о своих занятиях я не мог. Единственное, что я мог, — это по-прежнему любить ее как свою дочь, надеясь, что когда-нибудь все само собой уладится. Часто, когда Джуди, поговорив по телефону с Этель, просила позвать меня, я знаками давал понять, что пока не готов к разговору. Этель сразу же придумывала какой-нибудь шитый белыми нитками предлог типа «он занят» или «он опаздывает на деловую встречу»...

Каждый раз, когда такое происходило, во мне поднималось желание закончить свой анализ Библии как можно скорее, чтобы я смог доказать Джуди, насколько она ошибается. Однако все оборачивалось совсем не так, как я предполагал. То, чем я занимался, уже стало моей миссией, причем самого высокого порядка.

Однажды утром я решил сходить на работу, чтобы уладить кое-какие дела. Но, придя туда, я не мог собраться с мыслями и сконцентрироваться на чем-нибудь. В отчаянии я встал из-за стола, закрыл дверь кабинета и полез за Библией. Именно в то утро я и наткнулся на строчки в Евангелии от Иоанна, которые глубоко поразили меня:

«Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом, — есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне» (Евангелие от Иоанна, 5:45—46).

Я еще раз убедился в том, что не знал даже свою собственную Библию, Танах, не говоря уже о христианской Библии. «Признайся, Стэн, — мрачно сказал я себе, — в свои пятьдесят лет ты совершенно безграмотен в духовных вопросах».

О Торе мне кое-что было известно, а вот что касается верований моего народа и его истории — об этом я не знал ничего. Я даже толком не представлял себе, о чем говорится в Библии. В силу этого я и оставил на какое-то время Новый Завет и решил начать с самого начала — с Бытия.

Я прочитал о том, как в начале Бог сотворил небо и землю. Затем Он сотворил Адама, который отнюдь не был евреем.

Потом я прочитал о грехопадении Адама и Евы и о том, как Бог вознегодовал на них, — это и породило все человеческие несчастья. Я пришел к выводу, что все потомки Адама и Евы оставались существами никчемными, вплоть до времен Ноя и Всемирного потопа.

Затем появляется Аврам, который также не был евреем. Однако Аврам был наречен Авраамом и стал отцом всех евреев. Как же так?

Господь сказал Авраму:

«Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, [и иди] в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну, и благословятся в тебе все племена земные» (Бытие, 12:1–3).

Отличное обещание! Более того: Бог сказал все это, когда Авраму было уже семьдесят пять лет!

Читая далее, я обнаружил, что Аврам послушался Бога и покинул свой дом и семью и пошел в землю ханаанскую. И Бог сдержал Свое обещание Авраму:

«Возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки» (Бытие, 13:14–15).

Я даже почувствовал легкое головокружение от этих

строк. Сам Бог дал моему народу во владение землю! Между тем прошло двадцать четыре года с тех пор, как Бог впервые заговорил с Авраамом, у которого все еще не было детей.

«Авраму было девяносто девять лет, и Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою...» (Бытие, 17:1–2).

Мне казалось, что слово «завет» готово было спрыгнуть со страницы. Что же это означает: завет между Богом и человеком? Что означает завет между людьми?

Заглянув в справочник, я обнаружил, что во времена Авраама (как и в течение многих веков до него и после него) для заключения завета практиковалось некое ритуальное действие. Это было высшей формой соглашения, которое заключалось между двумя сторонами. Его совершали при заключении перемирия между вождями племен или для скрепления взаимного договора об обороне, или же когда стороны желали продемонстрировать друг другу братскую любовь. Такой завет, или договор, подразумевал полное доверие друг к другу.

Это ритуальное действие обязательно включало в себя официальную церемонию. Стороны обменивались оружием, одеждой и именами. Этим они как бы подтверждали свою готовность отдать другому свою силу, имущество и саму жизнь. Затем произносились благословения за исполнение достигнутого соглашения, а также проклятия в случае его нарушения. После этого необхо-

димо было пролить кровь. Иногда делались надрезы на лице или на руках, после чего договаривающиеся соприкасались ранами, чтобы пролитая кровь перемешалась. Иногда кровь собирали в миску, где ее также перемешивали — считалось, что теперь у них одна кровь, — после чего кровь пили из миски.

Для того чтобы сделать заключение завета видимым, стороны втирали прямо в рану пепел или какое-нибудь другое вещество. После этого участники церемонии усаживались друг против друга для совершения трапезы, в которой принимали участие друзья и члены семей заключающих завет.

Я вновь вернулся к книге Бытие. Когда Бог предложил Авраму заключить завет, Аврама настолько переполнили чувства, что он пал ниц — ведь ему было хорошо известно, что означает заключение такого договора.

И Бог сказал ему:

«Я — вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов; и весьма-весьма распложу тебя... <...> Сей есть завет Мой, который вы [должны] соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя [в роды их]. Да будет у вас обрезан весь мужской пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу, и это будет знамением завета между Мною и вами» (Бытие, 17:4–6, 10–11).

Дойдя до слова «знамение», я будто окаменел. Да, я был обрезан, и мне было известно, что каждый еврейский

ребенок мужского пола должен пройти через этот обряд. Но я воспринимал его скорее как знамение еврейства, нежели как завет с Богом. Он заключил завет, чтобы быть Богом для потомков Авраама, обрезание же было своего рода печатью этого договора.

Бог повелел Авраму обрезать не только своих детей, но и всех детей мужского пола, рожденных в его доме. В день, когда Аврам стал Авраамом, не только он, но и все мужчины в доме были обрезаны.

Пытаясь представить себе эту картину, я содрогнулся. Во время второй мировой войны мне пришлось провести какое-то время в госпитале. Больному на соседней койке должны были сделать операцию обрезания. Я хорошо помню, насколько болезненной была операция и как ужасно он чувствовал себя после нее. Можно лишь представить, насколько больно было всем мужчинам в доме Авраама после обрезания, особенно если учесть, что никакого специального медицинского оборудования и никаких обезболивающих препаратов тогда не было.

Раз эти люди позволили причинить себе такую боль, у них должны были быть для этого веские основания. Я пытаюсь представить себе нечто похожее, происходящее со взрослыми мужчинами сегодня, — и не могу. Во времена Авраама у людей, очевидно, было четкое понимание важности такого завета.

Для Авраама это означало, что Сам Бог предлагал Себя в качестве щита, защиты, знака силы. Сам Бог заверял Аврама, что он не только спокойно доживет до глубокой старости, но также будет иметь сыновей и

потомков, у которых также будет необычайно большое потомство. Аврам будет отцом многих народов. Бог обещал дать Авраму и его сыновьям в удел ханаанскую землю. А конечным обещанием Бога Авраму было следующее: Он не только исполнит обещанное, но и будет Богом всех потомков Аврама. Неудивительно поэтому, что Аврам пал ниц!

Чтобы подчеркнуть серьезность и важность этого договора — особенно заключительной его части, в результате которой и родилась нация евреев, — необходима была перемена имени Аврама. Бог добавил еще одну букву к его имени — букву «а» (в еврейском языке «гэй»), взятую от Своего собственного имени (Яхве) и символизирующую Божье дыхание. С этого времени Аврам стал Авраамом.

Я обнаружил еще кое-что. Изменив имя Аврама, Бог стал известен всему миру как Бог Авраама.

Позже Бог подтвердил Свой завет с Исааком, а еще позже и с Иаковом. Затем, три тысячи пятьсот лет спустя, мои дедушка и бабушка рассказывали мне, что Бог Авраама, Исаака и Иакова был и моим Богом, и Богом моих предков.

Однако тогда до меня ничего не дошло. Слова остались просто словами. А о завете мне вообще никто ничего не говорил.

Почему же так произошло? Ведь я знал, что еврейских мальчиков обрезают, но для чего? Почему мы никогда не обсуждали дома причину, по которой Бог сказал Аврааму, что Он будет Богом сынов Авраамовых?

Читая об Исааке, Иакове и Иосифе, я заметил, что евреи того времени мало чем отличались от современных. В нашем народе всегда присутствовали невежество и безразличие к самой сути своей веры. Были герои, которых чтити, но простые люди не проявляли особой твердости в поступках. Моисей прошел через следующее:

«И говорил Бог Моисею и сказал ему: Я Господь. Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову... И Я поставил завет Мой с ними, чтобы дать им землю ханаанскую... И Я услышал стенание сынов Израилевых о том, что египтяне держат их в рабстве, и вспомнил завет Мой. Итак, скажи сынам Израилевым: „Я Господь, и выведу вас из под ига египтян“» (Исход, 6:2–6).

Не успел Моисей вывести сынов Израиля из Египта, как среди них начался ропот. Моисею пришлось постоянно напоминать народу об их завете с Богом:

«И пришел Моисей, и пересказал народу все слова Господние и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: „Все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]“ <...> ...И взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: „Все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны“. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: „Вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах этих“» (Исход, 24:3,7–8).

Размышляя над этими строками, я вспомнил, как праздновал каждый год Песах. На наших богослуже-

ниях почти ничего не говорилось о завете и о том, чего требовал от нас Бог.

Мы вспоминали исход, но совсем не упоминали о завете. Очень странно!

Моисей понимал, что в условиях завета еврейский народ никогда не будет таким, как прежде. Бог прямо сказал им, как следует жить. Он заповедал им отделиться от других народов, и они стали избранным народом. Он также сказал им, что следует и чего не следует есть. Он определил правила, по которым необходимо жить. Он запретил следовать законам и обычаям других народов. Они должны были слушаться Его, и только Его.

Народ Израиля принял эти указания и пообещал исполнять, но вскоре стал нарушать их, предаваясь всяческим грехам, включая браки с представителями других народов. Каким же образом можно было загладить грехи и стать на стезю добродетели, приемлемой Богом? Священник Ездра отвечает на этот вопрос:

«Вы сделали преступление, взяв себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля. Итак, покайтесь [в этом] пред Господом, Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных» (Ездра, 10:10–11).

Я как бы воочию вижу их муки. Тысячи мужчин-евреев женились на женщинах из других народов. У них были дети, они жили семейной жизнью. Теперь же им было дано повеление оставить своих жен и детей. Я даже содрогнулся, поставив себя на их место.

Люди, которые слышали слова обращавшегося к ним Ездры, понимали, что тот говорит от имени Господа. Они знали, что означает завет. Они слышали от Бога об обещанных благословениях и проклятиях и поняли, что выхода нет. И они покинули своих жен и детей и стали следовать завету с Богом.

Вот так обстояли дела с избранным народом Божьим. Если они хотели следовать заповедям Божьим, то им предстояло отделить себя от всех других народов мира. Запрещены были физические контакты с представителями этих народов. Нельзя было сидеть с ними за одним столом. Запрещены были и смешанные браки. Разница между евреями и всеми остальными была огромной.

1. У евреев был один-единственный Бог. У других народов этого не было.

2. Евреи состояли в завете с Богом. У других народов такого завета не было.

3. У евреев была надежда на приход Мессии. У других народов такого не было.

4. Евреи были избранным народом Божьим. Другие народы не были избраны Богом.

Эти народы были чужаками. Они были чужими для Божьего народа и чуждыми Божьего завета. Они были беспомощны и не имели надежды на спасение. У них не было Бога.

В последующие тысячу пятьсот лет отчуждение между евреями и остальными народами становилось все более ощутимым. Отчуждение рождало подозрение и

недоверие, враждебность и страх, злость и ненависть. И вот пришел Иисус Христос!..

Как-то вечером, сидя у себя в кабинете, я стал размышлять над всем, что узнал о завете, и понял, что знание истории еврейского народа никак не повлияло на меня. Факты остались фактами. Но как мне относиться к Иисусу? Какое отношение к завету имел Он?

И вдруг меня осенило. Если заключение завета сопровождалось пролитием крови между сторонами, и Бог требовал от Своего народа обрезания как «знака пролития крови», тогда в чем же состоит обрезание Самого Бога?

Образ Христа, пронзенного копьем и истекающего кровью на кресте, возник у меня перед глазами. Я попытался избавиться от него, но образ не исчезал...

Уйти от него было невозможно. Нужно было опять приниматься за чтение Нового Завета и вплотную подойти к вопросу: является ли Иисус Мессией?

НАПРЯЖЕННОСТЬ УСИЛИВАЕТСЯ

В то время как я усердно трудился, собирая доказательства для «вразумления» Джуди, Этель, кажется, становилась все более снисходительной к происходящему. Иногда я даже слышал, как они с Хейди смеялись. Хотя мы и договорились не навязывать друг другу своих мнений по поводу христианства, как-то утром, одеваясь,

я высказал Этель свое недовольство по поводу ее легкомысленного поведения.

— Вот вы с Хейди рассказываете друг другу анекдоты, а почему бы вам и меня не включить в свою компанию?

— Какие анекдоты? — опешила Джуди.

— Не знаю, какие анекдоты вы там рассказываете. Уж больно много вы с Хейди смеетесь. Может, и мне расскажете какой-нибудь хороший анекдот?

Этель окинула меня непонимающим взглядом.

— А что, мы тебе мешаем?

— Да нет. Просто хотелось посмеяться за компанию с вами!

— Ну... — Этель нахмурилась, закрывая комод. — Ну вот, например, о Джудиных детях...

— Каких еще детях? Она ведь даже пока не замужем...

— Обудущих детях. Надеюсь, ты же не думаешь, что раз она уверовала в Христа, то станет монашкой...

— Надеюсь, что нет.

— Ну так я говорила Хейди, что Джудины дети вместо того, чтобы петь на Песах «Хад гадья»²², будут петь «Иисус хочет, чтобы я был солнечным лучиком»²³.

— Мне не смешно.

— Вот это мне в тебе и не нравится, Стэн. Ведь из-за того, что Джуди стала верить в Христа, конец мира не наступает. Вначале я тоже расстроилась не меньше тебя. Да и сейчас я не в восторге от всего этого, но чем больше я читаю о Христе, тем больше Он мне нравится.

— Дело не в этом! — взвился я. — Любить того, кто помогает людям и хорошо относится к детям, — нетрудно. Все дело в том, что именно Христос говорит о Себе.

— Например?

— Например, «Я и Отец одно».

— Иисус говорит, что Он Бог.

— Вот именно!

Этель стала наводить порядок на трюмо.

— Во всем, что делает Иисус, нет никакой раздвоенности, — весело заметила она.

— Именно это меня больше всего и волнует. Принять Его как хорошего человека, блестящего учителя, даже пророка нетрудно, но то, что он заявляет о Себе, выводит меня из равновесия. Либо надо полностью принимать Его, либо...

— Либо что?

— Либо просто признать, что Он шарлатан.

— А... вот где собака зарыта! Или все правда, или все неправда — так что ли по-твоему? — Этель тут же переменяла тему. — Стэн, ну сколько ты будешь травить себе этим душу? Ведь нельзя же совсем забрасывать работу!

— Обещаю тебе, что до голода дело не дойдет. Просто мне во что бы то ни стало нужно все выяснить самому, сколько бы на это ни ушло времени. Джуди внесла смятение во все, во что мы верили. Я хочу доказать, что она не права.

— А что если права? Что тогда?

Я молчал. Это и было моим последним вопросом, отвечать на который мне не хотелось.

— Мне не кажется, что все так уж категорично: или — или, — сказал я как можно мягче. — Ты помнишь, как несколько лет назад мы договорились, что когда наши девочки подрастут, мы дадим им право выбора во всем.

— Конечно, помню! Но мне и в голову не приходило, что дойдет до такого.

— Мне тоже. По правде говоря, Этель, я думаю, что мне было бы легче, если бы Джуди заявила, что вообще не верит в Бога. Ведь можно оставаться евреем и не веря в Бога.

— Но, Стэн, почему нельзя верить в Христа и оставаться при этом евреем?

— Потому что одно исключает другое!

С этими словами я встал и пошел к себе в кабинет. Все же этот вопрос не давал мне покоя, и я знал, что мой ответ на него был неправильным. Ведь все первые христиане были евреями или прозелитами. Что же произошло? Как случилось, что история, начавшаяся с евреев, закончилась совсем не по-еврейски? Что случилось с первыми евреями-христианами?

Тут я принялся за чтение книги Деяния апостолов и, к собственному удивлению, нашел ответы на свои вопросы, которые, казалось, так и сыпались на меня с каждой прочитанной страницы. Когда евреи стали последователями Христа, они продолжали жить по-прежнему, соблюдая все еврейские традиции. Вера в Иисуса Христа не уничтожила в них еврейства.

Но когда вставал вопрос об их отношении к представителям других народов, возникали проблемы. Петру в

особенности претила мысль о том, что евреи будут смешиваться с другими народами. То, о чем я прочитал в десятой главе Деяний, просто выбило у меня почву из-под ног.

Петр, находясь в Июппии, молился как-то на крыше одного дома (обычно он останавливался там у своих друзей). Около полудня он проголодался и, очевидно, собрался спуститься вниз пообедать — и в этот момент впал в транс:

«И видит открытое небо и сходящий к нему некий сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие животные, пресмыкающиеся земли, и птицы небесные. И был голос к нему: „Встань, Петр, заколи и ешь“. Но Петр сказал: „Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого“. Тогда во второй раз [был] глас к нему: „Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым“. Это повторилось трижды; и сосуд опять поднялся на небо» (Деяния, 10:11–16).

Бедный Петр! Представляю, с каким выражением лица он стоял на крыше! Как же Бог мог сначала установить закон о запрете есть нечистое, а потом в видении сказать, что нужно есть нечистое мясо? Невероятно!

И все же это говорил Бог, а чтобы окончательно убедить Петра, Он повторил видение трижды. Затем Петр получил другое приказание: идти в дом Корнилия, римского центуриона, жившего в Кесарии. Следуя своему привычному образу жизни, Петр никогда не вошел бы в дом язычника. Однако голос Божий и Его приказание

были явственны. На следующий же день Петр отправился в Кесарию, где с большим уважением был встречен Корнилием, который попросил его поговорить с людьми, собравшимися у него в доме.

Петр начал свою речь: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему».

Затем Петр рассказал собравшимся о Христе — о Его жизни, смерти и воскресении.

«Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников» (Деяния, 10:44—45).

Уж яснее и быть не может. Бог predetermined Иисуса быть Мессией не только для евреев, но и для других народов. Покачав в недоумении головой, я стал читать одиннадцатую главу Деяний.

Когда апостолы слышали о том, что произошло в доме Корнилия, они опечалились. Еще бы! Но, как я заметил, рассердились они на Петра не из-за того, что он рассказал язычникам об Иисусе. Они рассердились из-за того, что он «ходил к людям необрезанным и ел с ними». Они рассердились на него потому, что он нарушил закон, устанавливающий разделение между евреями и другими народами.

В двадцатой главе книги Левит Бог сказал: «Я отделил вас от народов, чтобы вы были Мои». Как же посмел

Петр намеренно нарушить Божий закон и общаться с язычниками? Именно за это они и набросились на него.

Петр ответил им так, как считал нужным. Он рассказал им о видении и о том, что сотворил Бог. Задумавшись о таком чуде, они «прославили Бога» и наконец сказали: «Значит, Бог дал покаяние и язычникам».

Когда до меня дошло сказанное, я оцепенел. В Библии говорилось, что несмотря на полторы тысячи лет заповеданного Самим Богом разделения между евреями и другими народами, Бог не только давал язычникам надежду на встречу с Мессией, но и утверждал, что отныне не должно быть никакого разделения между евреями и язычниками.

Это была ошеломляющая концепция. Неудивительно, что слышать такое в 35 году нашей эры евреям было не по душе. Теперь же все было наоборот. Тогда Мессия предназначался только для евреев. Сейчас, как видно, Он предназначен только для других народов. А что же будет дальше?

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ

История о Петре и Корнилии не только дала толчок к размышлению, но и поставила передо мной вопрос, на который невозможно было ответить. Все те евреи, которых обратил в христианство Павел, а также апостолы, — что произошло с ними? Чтобы найти ответ на этот

вопрос, я должен был вспомнить историю и мысленно вернуться в свои школьные годы.

Сначала я задумался о Римской империи: насколько сильное влияние оказала она на все мировые религии? Когда римляне завоевали Израиль и Иудею, эти области оказались неимоверно трудными для управления. Между 7-м и 41 годами нашей эры Риму пришлось послать в этот район несколько разных правителей. Эти деятели считали, что никакая проблема не может быть настолько серьезной, чтобы ее нельзя было бы разрешить пролитием крови.

Когда Рим назначил очередного прокуратора Флора (это был восьмой правитель Иудеи), он оказался еще хуже, чем те, кто правил до него. Однажды во время праздника Песаха в Иерусалиме ему пришлось в голову продемонстрировать евреям свою власть. Он конфисковал одеяния священнослужителей и стал высмеивать их веру, а затем потребовал, чтобы евреи заплатили ему семнадцать талантов золота из сокровищницы Храма. В пересчете на сегодняшние деньги это составляло больше двух миллионов долларов.

Это и стало последней каплей. В мае 66 года нашей эры почти в каждом еврейском городе и деревне начали вспыхивать восстания. Несколько тысяч палестинских евреев подняли мятеж против величайшей военной державы, когда-либо существовавшей в мире. Все остальные завоеванные народы, входящие в Римскую империю, затаив дыхание, следили за тем, как потомки Давида готовились поднять руку на римского Голиафа.

Римским военачальникам было хорошо известно, что на карту поставлено многое и что за ними наблюдает весь мир. Им также было хорошо известно, что если евреи одержат победу и обретут независимость, невозможно будет удержать от восстания другие народы. Поэтому Рим решил уничтожить зачинщиков.

Из столицы были посланы войска, начались бои, но еврейские борцы сражались храбро, упорно сопротивляясь. После первого года войны император Нерон вызвал к себе самого доблестного своего военачальника Веспасиана и отдал в его распоряжение необходимое количество легионов. Веспасиан действовал неторопливо, но четко. Так прошло два года. Наступил 68-й, третий год войны.

К этому времени Веспасиан завоевал почти всю Иудею, но занять Иерусалим ему так и не удалось. Раз за разом его войска подходили к самым стенам города, и раз за разом защитники отражали их атаку.

В 69 году император Нерон умер, и римский сенат передал трон Веспасиану. Тот с радостью принял его и возложил разрушение Иерусалима на своего сына Тита.

Собрав армию более чем в восемьдесят тысяч человек, Тит начал осаду Иерусалима. Он приказал своим воинам надеть военные доспехи и устроил вокруг стен города парад, показывая этим всю мощь и могущество Римской империи. Парад продолжался три дня. Когда же он закончился, взвзирающие на все это из сторожевых башен евреи ответили римлянам дружным улюлюканьем.

Озверевший Тит предпринял еще одну атаку на город.

Осадные баллисты вели каменный обстрел северной стены Иерусалима, пробив в укреплениях огромную дыру, через которую внутрь города устремились римские воины. После двухнедельного отчаянного рукопашного боя евреям удалось изгнать римлян из города.

Тогда Тит задумал уморить евреев голодом, чтобы они обессилели и не смогли продолжать сопротивление. Вокруг Иерусалима был сооружен огромный земляной вал. Любого, кто пытался пробраться в город, распинали на гребне земляного вала в назидание иерусалимским евреям. Таким образом было казнено пятьсот человек.

Конец был неизбежен. Используя тараны и переносные мосты, римляне вновь пошли на штурм города. Последовала резня. Храм был сожжен, священнослужителей предали смерти, а зилоты были сброшены с его стен вниз. Взятых в плен клеймили и как рабов увозили в Рим. Одних бросали на растерзание львам во время кровавых зрелищ на арене, других просто убивали на потеху городского населения.

Я горжусь храбростью своих предков-евреев, но все же больше всего мне хотелось узнать, что же произошло с евреями-христианами.

Очевидно, некоторые из них участвовали в защите осажденного города, однако информации на этот счет недостаточно. Пророчество в Евангелии от Луки проливает свет на то, что произошло:

«Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его; тогда

находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения — да исполнится все написанное. Горе же беременным и кормящим сосцами в те дни, ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ этот: и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Евангелие от Луки, 21:20—24).

Могу себе представить, какое внутреннее раздвоение пережили христиане во время осады Иерусалима. Им было приказано бежать, но их должно было удерживать чувство верности семье и друзьям. Вероятно все же, что многим удалось покинуть город до того, как римляне разрушили его. Но все же в 70 году нашей эры еврейско-христиане были частью еврейской общины.

А что же случилось потом? Мне захотелось узнать больше. Но где взять нужные исторические книги? Я поискал у себя на полках, а потом отправился в библиотеку. Понемногу картина прояснялась.

После того как Иерусалим был разрушен и евреи рассеялись по всей империи, жизнь еврейской общины пришла в расстройство. Особую актуальность приобрели два вопроса: каким образом иудаизм может функционировать вне стен Храма и без жертвенника и каким образом евреям удастся выжить как нации, если они будут вынуждены жить среди других народов? Со временем появились и ответы: Храм должны заменить

синагоги — как центры еврейской жизни, а первосвященников должны заменить раввины — как духовные лидеры. Библейскому иудаизму суждено было стать иудаизмом раввинистическим.

В связи с этими переменами появились и стали распространяться новые заповеди. У евреев, верующих в Христа, появились проблемы. Многие из них верили в то, что Мессия Своей смертью и воскресением исполнил закон Моисея и что евреи больше не связаны шестьюстами тринадцатью правилами еврейской жизни. Они пытались доказать, что с тех пор, как был разрушен Храм, стало невозможно жить по закону и что Писание не устанавливало новых правил. Многие же утверждали, что наступила новая эра — эра Божьей милости.

Между двумя группами возникла вражда. Страсти разгорелись по поводу того, что многие тысячи евреев, верующих в Христа, бежали из Иерусалима во время войны 66—70 годов нашей эры. Кроме того, они противились нововведениям в религиозной жизни евреев. Несмотря на все это, их все же считали частью общины Израиля.

Через несколько десятилетий этот конфликт внутри еврейской общины был улажен, но появилась другая проблема. Все началось с налогов. В течение многих лет евреи платили налог на содержание Храма. Когда же Храм был разрушен, по настоянию Рима налог продолжали брать. Его обязаны были платить все евреи, и даже прозелиты. Собранные деньги шли на содержание храма Юпитера в Риме. Эти поборы с евреев продолжались

на протяжении двадцати шести лет, вплоть до 96 года нашей эры, когда император Нерва отменил налог.

Налоги и вообще давление со стороны римлян продолжали оставаться тяжелым бременем для жизни еврейской общины. Необходимо было освободиться от него. К 132 году нашей эры равви Акива примкнул к второму восстанию евреев против Рима. Акива пользовался большим уважением у населения, и все евреи-мужчины дружно откликнулись на его призыв — и те, кто верил в Христа, и те, кто в Него не верил, плечом к плечу боролись за свободу.

Но равви Акива совершил непростительную ошибку. Он заявил, что Симон бен Косиба, военачальник, непосредственно возглавивший восстание, и есть Бар-Кохба, то есть «Сын Звезды», или Мессия. Такое заявление сплотило большую часть еврейства, однако произвело совсем другое действие на тех, кто верил, что Мессией был Иисус. Они не могли бороться под руководством того, кого они считали лжемессией. И тысячи борцов стали дезертирами.

Даже если бы у евреев была полноценная армия — и тогда им было трудно победить Рим, не говоря уже о той ситуации, когда армию покидали тысячи мужчин, обрекая восстание на полное поражение. Как и война 66—70 годов, восстание 132—135 годов шло по всей территории Палестины. Потери с обеих сторон были большими. В конце концов римляне одержали победу, и Бар-Кохбу, как и равви Акиву и других борцов, предали смерти.

Месть Рима евреям последовала незамедлительно и была жестокой. Иерусалим был полностью уничтожен, евреям запретили даже появляться там. Однако свой гнев

страдавшие под гнетом новой тирании евреи направили не против лжепророка равви Акивы и лжемессии Бар-Кохбы, а против дезертиров, которые считали Мессией Иисуса.

Раввины объявили всех евреев-христиан предателями. Они запретили поддерживать отношения с верующими в Иисуса и, считая их отступниками, подвергли осуждению со стороны остальных членов еврейской общины. Даже в случаях крайней нужды было запрещено обращаться за помощью к христианам и категорически запрещалось оказывать какую-либо помощь им.

В последующие после такого заявления месяцы перед евреями-христианами встали вопросы, над которыми они никогда не задумывались прежде:

1. Следует ли им продолжать верить в Иисуса как Мессию, если ради этого придется покинуть еврейскую общину?

2. Если да, то каким образом можно выжить среди других народов?

3. Нужно ли отказаться от Мессии ради того, чтобы остаться в еврейской общине?

4. Можно ли отказаться от веры в Мессию публично, но верить в Него втайне?

5. Как теперь жить?

Месяц за месяцем проходили годы, и разные верующие отвечали на эти же вопросы по-разному. Некоторые поняли, что, несмотря на свою веру в Иисуса, они не смогут жить вне еврейской общины. Они отказались от своей веры.

Другие же сохранили веру, но держали это втайне. Оставаясь верующими в Иисуса, они ходили в синагогу.

Третьи, войдя в мир других народов, полностью растворились в нем.

Иустин Философ, один из ранних богословов Церкви, живший во II веке, описал ситуацию, в которой оказались еврей-христиане. Он увидел четыре категории таких верующих:

1. Евреи, которые стали частью Церкви.
2. Евреи, которые остались при синагоге, втайне продолжая быть христианами.
3. Евреи, которые стали евионитами.
4. Евреи, которые стали назарянами.

О последних двух группах верующих известно очень мало. Поскольку никакого канона Писания для Нового Завета создано не было, верующие целиком полагались на Ветхий Завет, на устное предание о происшедших событиях и на понимание писаний Павла, Петра и Иакова. Евиониты, или как их еще называли «бедные»,

1) верили в необходимость соблюдать большую часть еврейских законов;

2) не верили в непорочное зачатие;

3) отрицали апостольство Павла;

4) верили, что Иаков был двенадцатым апостолом и называли его «самым главным епископом из всех епископов»;

5) особо почитали Петра.

По мнению евионитов, Иисус пришел исполнить закон и пророчества в качестве нового Моисея. Он убрал

из закона все искажения, добавленные к нему после смерти Моисея, например, жертвоприношения. Он настаивал на необходимости соблюдения закона истинного — очищения от греховности. Он проповедовал бедность как главную добродетель, а также вегетарианство и аскетизм.

Богослов Ф. Ф. Брюс заметил, что евиониты «считали себя как бы связующим звеном между ортодоксальным еврейством и христианством, сочетая и сохраняя в себе консервативные элементы, присущие обеим религиям, но в то же время отвергая ошибки и той, и другой. Но, надеясь на то, что им удастся примирить две религии на основе евионистских критериев, их ждало разочарование. Ортодоксальное еврейство отвергло их как отступников, христианство же отвергло их как еретиков».

Полагают, что евиониты как религиозная группа просуществовали вплоть до VII века, однако о них мало что известно. В отличие от них назаряне верили, что:

1. Иисус был Мессией;
2. Он был Божьим Сыном;
3. Его учение превосходило учение Моисея и пророков.
4. Христиане еврейского происхождения должны соблюдать еврейский закон обрезания, шаббат (субботу) и кошрут (свод законов о чистом, с ритуальной точки зрения, питании).

В то время как сами назаряне придерживались многих еврейских обычаев, они не настаивали на том, что после-

дователи Христа из других народов обязаны поступать так же.

По мере того как росли разногласия между членами еврейской общины, христианство упрочивало свои позиции и распространялось среди других народов. В Христа уверовали сотни тысяч язычников. Вскоре количество христиан в общинах стало превосходить количество евреев, в результате появились новые разногласия. Без знания еврейской истории и еврейских обычаев христианам из язычников трудно было понять, почему еврей-христиане продолжали следовать обычаям, которым они следовали до признания Иисуса Мессией.

Одним из важных вопросов, по которому существовали разногласия, был вопрос о воскресении. Евреи-христиане утверждали, что воскресение Иисуса следует отмечать на третий день Песаха — семнадцатый день месяца нисан (в последних числах марта — начале апреля). Но поскольку Песах отмечали по еврейскому календарю, семнадцатый день нисана для тех, кто не был евреем, ничего не означал. Нужно было установить дату, которая была бы значимой в соответствии с общепринятым календарем. В 195 году нашей эры на соборе в Кесарии постановили праздновать воскресение Иисуса во время праздника, посвященного богине Иштар. В результате появился день Пасхи.

Еврей-христиане на этом съезде не присутствовали. Узнав о принятии такого решения, они пришли в отчаяние. «Ведь Сам Бог определил дату Песаха, а Иисус вос-

крес в третий день Песаха! Как же можно изменить дату?!» — в отчаянии вопрошали они.

Однако остальные христиане к этому протесту не прислушались. Вскоре они предприняли следующий шаг: полностью отделиться от Песаха. Что они и сделали — ведь Песах для них ровным счетом ничего не значил.

Разрыв между христианами-евреями и остальными христианами усугублялся.

К 325 г. н. э. на Первом Вселенском соборе в городе Никее Церковь приняла решение праздновать воскресение Иисуса в первое воскресенье после пасхального полнолуния, это определение было обязательным для всех христиан. Несколько лет спустя был созван еще один собор, который постановил, что каждого, кто будет праздновать Пасху в семнадцатый день нисана, в Песах, предадут анафеме.

Христиане языческого происхождения явно решили противостоять христианам из евреев. «Нас теперь большинство. Либо вы с нами, либо остаетесь в рамках иудаизма. Середины быть не может!» — заявили они.

Проходили столетия. Церковь все больше и больше отдалялась от своих иудейских корней. Вскоре она вообще стала отрицать какую-либо связь с иудаизмом. Евреям предстояло принять важное решение по поводу своего отношения к смерти Христа. Отчуждение усиливалось в связи с крестовыми походами, инквизицией и погромами. Затем последовало «кардинальное решение еврейского вопроса»: шесть миллионов евреев погибли в кон-

центрационных лагерях нацистской Германии, являющейся, по ее собственному определению, «христианской» нацией.

Как же могли евреи после всего этого отождествлять себя с теми, кто убивал их народ?!

Как можно было исказить учение о христианской любви, сделав его учением о ненависти?

Мои исследования были долгими и тщательными. Теперь разрозненные отрывки начинали складываться в нечто целое. Мое понимание истории своего народа невероятно углубилось. Однако как же я отвечал теперь на свой четвертый вопрос? Верил ли я в то, что Иисус был Мессией? Нет, ни в коем случае!

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

В один из вечеров, засидевшись допоздна в своем кабинете, я закончил читать книги по истории Церкви. Конечно, мой анализ был довольно поверхностен, но все же меня не покидала уверенность в том, что я пришел к важному выводу. Неудивительно, что большинство евреев так гневно возмущаются своим единоплеменником, уверовавшим в Христа. Однако история также показывает, что евреи, признавшие Иисуса Мессией, не очень-то принимаются большинством христиан. От евреев ожидают «полного перехода в христианство», под которым подразумевается отказ от своего еврейства. Из-за столь долго культивируе-

мых ненависти, враждебности и страха раскол между этими двумя группами продолжает углубляться.

В какой-то момент я даже почувствовал, что держу в руках готовый ответ для Джуди: «Держись от христиан подальше! Ты им не нужна. Давай я докажу тебе это на исторических фактах».

Но затем я сел, откинувшись на спинку кресла, и задумался. Ведь Иисус был евреем. В апостолы Он также выбрал евреев. При Его жизни почти все Его друзья и последователи были евреями. Он даже заявил, что «послан только к погибшим овцам дома Израилева». Однако так было только до сошествия Святого Духа, когда к Церкви были привлечены и другие народы. Но неужели Богу было угодно, чтобы миссия, начатая евреем среди евреев, стала достоянием исключительно других народов?

Конечно же, это дело рук не Божьих, но человеческих. Я заерзал в кресле. Готовый ответ лопнул, как мыльный пузырь. Может, довольно копать и нужно представить Джуди свои соображения уже сейчас?

В глубине души я осознавал, что у меня нет достаточно веских аргументов. Все они были построены на негативном отношении. Не делай этого, Джуди, ведь христиане только причинят тебе боль! Разве этого уже не происходило много раз на протяжении веков?!

Собранные мной факты не давали Джуди возможности подойти ко всему с положительной стороны. С ее точки зрения, мой анализ будет шагом назад, к запутанности и неопределенности.

Разозлившись, я встал и подошел к окну. В смятении я смотрел на темные силуэты домов напротив. Что со мной происходит? Всего лишь три месяца назад я бы, не задумываясь, использовал факты, собранные в результате исследований, в качестве оружия. Я бы бросил их Джуди в лицо. Почему же я не мог сделать этого сейчас?

Что-то изменилось во мне за эти три месяца. Но что? Как бы там ни было, никакой логикой, никакими фактами меня нельзя было убедить признать Иисуса Мессией. Именно с логической точки зрения нужно было прекращать копать и задавать вопросы, чтобы не потерять все, чего я достиг за последние двадцать лет. Тогда в чем же дело?

В это время я почувствовал необходимость вернуться к своей основной работе. (Может, дело было в том, что мне не хотелось продолжать это «самокопание»?) Меня пригласили выступить с речью на годовом общенациональном съезде членов «Круглого стола миллиона долларов» в Сан-Франциско в середине июня. Это было для меня большой честью, и отказаться я просто не мог.

Готовясь к поездке, я позаботился о том, чтобы не забыть Библию и другие необходимые для моего исследования материалы. Этель со мной не поехала, так как жен на такие конференции не приглашали.

Перелет из Вашингтона в Сан-Франциско вообще довольно утомителен, но для меня время пролетело незаметно. Подлетая к Денверу, я уже окончил Откровение. Помню, как косились на меня пассажиры, видя, как я сижу с раскрытой Библией, одновременно курия сигарету и держа в руке стакан с виски.

Вероятно, я был слишком чувствителен к реакции окружающих. Однако наверняка некоторые из пассажиров узнавали во мне еврея. «Зачем же еврею читать Новый Завет?» — этот немой вопрос я прочел в глазах некоторых. Я пытался отвлечься от этих мыслей, но они навязчиво появлялись опять.

Когда самолет, подлетая к Сан-Франциско, пошел на посадку, я подумал об Энн. Всего несколько недель назад она окончила школу и была принята в Мэрилендский университет.

Энн хотела, чтобы в качестве подарка за окончание школы мы разрешили ей навестить Нила, самого лучшего из всех ее друзей-евреев, который был художником и жил в Лос-Анджелесе. Они практически росли вместе и в последние четыре года очень дружили. Несмотря на свою симпатию к Нилу, я бы ни за что не разрешил дочери поехать к нему одной.

Нил позвонил нам. Он понимал мои чувства и мое нежелание отпустить Энн к нему. Но, настаивал Нил, он питал глубокое уважение и к Энн, и к нам и ни в коем случае не допустил бы, чтобы с ней что-нибудь случилось, когда она будет гостить у него. Более того, он обещал договориться с одной знакомой молодой женщиной, чтобы Энн остановилась у нее.

Мы с Этель долго обсуждали эту возможность. Энн уже исполнилось восемнадцать, к тому же она окончила школу. Через несколько месяцев она начнет учиться в университете, и тогда мы не сможем контролировать ее. Доверяем мы ей или нет? Мы отпустили ее.

Энн отправилась в Лос-Анджелес за день до моего отъезда. Тогда я стал думать об Этель.

Интересно, на чем она остановилась в своих духовных исканиях? В последнее время мы не говорили об этом, не желая оказывать влияние на исход внутренней борьбы, происходившей внутри каждого из нас. У Этель было очень острое чувство своего еврейства, и ничто не могло изменить его. Пока я буду в отъезде, она поедет в Бостон навестить Джуди, поэтому я планировал позвонить ей туда.

Возбуждение, царившее на сан-францисской конференции, на несколько дней полностью захватило меня. Мне было приятно встретиться со старыми друзьями, съехавшимися на конференцию из всех уголков страны. Нашей группе, проводившей специальные сессии, пришлось много поработать, и сессии имели успех среди членов «Круглого стола». Мои выступления привлекли к себе всеобщее внимание и были хорошо приняты. Все были чрезвычайно заняты.

Я попытался было немного развлечься на следующих за сессиями вечеринках, но, к своему удивлению, нашел в них мало приятного. Я и выпил-то рюмки две-три. Пустые разговоры о других меня не интересовали, и я старался держаться подальше от своих приятелей и знакомых и не смаковать бесконечные пикантные истории. Что же все-таки со мной происходило? Все было как-то по-другому, не так, как раньше. Мои мысли работали совершенно в другом направлении.

Я делил гостиничный номер с одним моим старым

приятелем и вашингтонским коллегой по работе — он не был евреем. Подчинившись какому-то внутреннему порыву, я рассказал ему о Джуди и о том, что происходило со мной. Сначала у него отвисла челюсть, а потом полезли на лоб глаза. Понять всего этого он не мог, ибо был весьма далек от подобных проблем. Я сразу же пожалел о своей откровенности.

Когда я разговаривал с Этель по телефону из Сан-Франциско, голос у нее был какой-то подавленный. Она сказала, что у нее немного болит голова и передала трубку Джуди.

— Мне кажется, у мамы начинается грипп, — объяснила мне Джуди. — Не беспокойся. Я буду с ней, а если что, позвоню врачу.

После окончания конференции я на пару дней полетел в Лос-Анджелес к племяннице Эмили, преподававшей там танцы. Поскольку Энн и Нил тоже были в Лос-Анджелесе, мы все встретились перед моим отлетом домой, в Вашингтон. У Энн был удивительно сияющий вид. Мне хотелось поговорить с ней, но одним остаться нам не удалось, а говорить серьезно в присутствии Эмили или Нила я считал невозможным.

Когда я прилетел в Национальный аэропорт в Вашингтоне, меня встречала Этель. За день до того она вернулась из Бостона. По ее словам, чувствовала она себя отлично.

По дороге домой я с увлечением рассказывал жене об успешной поездке, не упоминая о своем разговоре с приятелем по номеру.

— Ну, а как все было у Джуди? — наконец поинтересовался я.

— Замечательно!

Заметив мой быстрый взгляд, она тут же добавила:

— Знаешь, я с ней не спорила. Мы просто разговаривали. Она по-прежнему верит в Иисуса как Мессию. На какое-то время воцарилось молчание.

— Стэн, ну а как у тебя дела с твоими исследованиями? Я имею в виду, ты их не прекратил? Будешь продолжать?

— Нет, не прекратил. Правда, мне нужно кое-что сделать на работе, но потом я продолжу исследования.

Не знаю точно, но мне показалось, что я заметил выражение облегчения на ее лице. Мне захотелось убедиться в этом.

— Ты считаешь, мне нужно вернуться на работу?

Повременив с ответом, она наконец сказала:

— Знаешь, делай как считаешь нужным...

В тот же вечер, в пятницу, мы с Этель отправились на службу в синагогу Бет Мессия, где подружились со многими людьми. К своему величайшему изумлению, я узнал, что через две недели в Мессия-колледже, в Грэнтеме штата Пенсильвания, будет проходить Национальный съезд мессианских евреев. Я очень удивился, когда узнал, что мессианских евреев, оказывается, настолько много, что можно созвать конференцию. Интересно, сколько же их?

Ехать на съезд у меня намерения не было, но, про-

смотрев программу, я вдруг стал задавать вопросы по поводу выступавших и спросил, как туда добраться.

Приехав домой, я спросил у Этель, не хотела бы она поехать на конференцию. Подумав, она сказала, что особого желания у нее нет.

— Но мне кажется, что тебе следует туда поехать, Стэн.

В последующие несколько дней я раздумывал над предложением жены, а затем все же решил ехать. Однако мне хотелось провести еще кое-какие дополнительные исследования. Через несколько дней я упаковал чемоданы в багажник своего БМВ и отправился в Мессия-колледж. Это было первого июля тысяча девятьсот семьдесят пятого года...

Описание маршрута было довольно четким, и найти Грэнтем особого труда не представляло. Когда я подъехал ко входу в колледж, моим глазам предстал громадный флаг со звездой Давида, на котором было написано «Добро пожаловать на конференцию „Миссия-75“!»

Запарковав машину, я пошел регистрироваться. И тут я увидел, что большинство приехавших были евреями. Но все же были и люди других национальностей. Все приветствовали друг друга радушной улыбкой, и меня встретили так же. Атмосфера была совершенно другой, чем в Сан-Франциско, не было ничего от холодной напыщенности, царившей на конференции, с которой я только что вернулся.

Зарегистрировавшись, я прошел в громадный спортивный зал, в помещении которого и проходили все за-

седания. Войдя в зал, я потерял дар речи: там было около семисот-восьмисот человек, звучала еврейская музыка...

За двадцать лет своей профессиональной карьеры мне пришлось побывать более чем на сорока конференциях, и я считал себя довольно опытным в этом. За это время я научился «правильно вести» себя на таких съездах. Сначала ставишь перед собой цель: выжать как можно больше из каждой встречи и каждого разговора. Нужно внимательно просмотреть программу, решить, чье выступление будет для тебя наиболее полезным, и наметить, кто из присутствующих может пригодиться в дальнейшем. А потом остается только работать, работать и еще раз работать. Я всегда встречался с теми, кто мог хоть в чем-то помочь мне, и всегда старался получить как можно больше интересующей меня информации. И эта конференция, очевидно, ничем особенным отличаться не будет.

После окончания утренних заседаний я отправился к себе в комнату в общежитие. Идя по направлению к зданию, я увидел женщину, у которой, по всей вероятности, был какой-то физический недостаток. Ей было очень трудно нести свой портфель. Я предложил свою помощь и пошел вместе с ней... Так мы и познакомились. Ее звали Лиллиан. Она была еврейкой и жила в Филадельфии. Ей было лет под шестьдесят — об этом говорило ее изборожденное морщинами лицо. Однако держалась она уверенно, была энергичной и очень приятной в общении. По дороге она спросила меня:

— Скажите, Стэн, вы давно верите в Бога?

— Я себя верующим не считаю, — быстро ответил я. — Я, можно сказать, интересуюсь, но верить — нет.

— Понятно...

Подойдя к каменной скамейке, Лиллиан остановилась.

— Давайте сядем и отдохнем немного, — предложила она, и потом, вдруг повернувшись ко мне, продолжила: — Сделайте одолжение, откройте, пожалуйста, мой портфель и достаньте Библию.

Я выполнил ее просьбу.

— Откройте, пожалуйста, Библию на двадцатой главе Исхода и прочитайте первые несколько строчек, — сказала она.

Я стал читать: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим».

— Достаточно, Стэн. А теперь закройте Библию и скажите мне: кто является вашим богом?

Я посмотрел на нее так, будто она меня чем-то ударила по голове. Ну и вопрос!

— Не волнуйтесь, — успокоила она меня. — Я не собираюсь вступать с вами в конфликт. Просто подумайте и ответьте на вопрос: кто ваш бог? Кого или что вы боготворите? Деньги? Семью? Дом? Работу? Или же Бога Авраама, Исаака и Иакова, Который вывел наших предков из Египта?

Молчание становилось удручающим, однако Лиллиан сидела как ни в чем не бывало и, казалось, никуда не спешила. День выдался жарким. Я обливался потом —

отчасти от ходьбы, отчасти от ее вопроса. Почему он кажется таким категоричным? Может, мне следует ответить ей в унисон: «Я верю в Бога Авраама, Исаака и Иакова. Но вы ведь знаете, Лиллиан, как это бывает у людей. Как и все, зачастую я поклоняюсь и другим богам».

Но этот ответ застрял у меня в горле. Застрял, потому что меня вдруг осенила другая мысль. Настолько пугающе значимая, что я потерял дар речи.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

В то утро Лиллиан затронула во мне что-то глубоко интимное. Меня так и распирало от наплыва рождающихся мыслей. Всю оставшуюся половину дня я никак не мог сосредоточиться на речах выступавших из-за поднимавшегося во мне смятения. Необходимо было собраться с мыслями.

На следующий день почти ничего не изменилось. Я не переставал лихорадочно размышлять, и от напряжения у меня в голове все перепуталось. Было жарко.

В комнате со мной жил еще один мужчина из Бет-Мессия, приехавший на конференцию. Кондиционера там не было, и казалось, что на улице было градусов сорок, а внутри меня зашкаливало за пятьдесят. Сон никак не шел. Я будто в агонии ворочался в постели.

Помню, как около полуночи я прошептал соседу по комнате:

— Арт, сделай одолжение, помолись за меня, пожалуйста!

Насколько мне помнится, я впервые в жизни попросил кого-то помолиться за меня.

Арт прочел довольно простую молитву о том, чтобы Бог дал мир моей душе и разрешил мой внутренний конфликт.

Я поблагодарил Арта, и единственное, что я помнил на следующее утро, — это то, что было семь утра и что я проснулся. Встав, я на цыпочках, чтобы не разбудить Арта, вышел из комнаты и отправился в столовую на завтрак. Там я сел за стол с теми же самыми людьми, с которыми всегда садился есть. Обычно кто-нибудь из них молился перед едой — я же просто сидел молча, опустив голову. Но в то утро все было необычным.

— Стэн, не могли бы вы перед едой помолиться за всех?

Я испуганно обвел взглядом соседей по столу. Столовая начинала наполняться посетителями, и гул голосов усиливался. Вряд ли меня можно было отнести к числу молящихся людей, но все же я попытался что-то сказать.

— Слава Тебе, Господи, Боже наш, Царь Вселенной! Благодарю Тебя за то, что я могу молиться с другими, а также за дух дружбы, который царит за этим столом. Благодарю Тебя за все то, чему Ты научил нас на этой конференции. Прошу Тебя, благослови еду во имя Иисуса Христа, Мессии.

Какую-то секунду я просто сидел, ошеломленный. Только подумать: я только что помолился во имя Иисуса

Христа, Мессии!.. Я даже не собирался делать ничего подобного! Слова вышли из глубины моего сердца, сами по себе.

Другие тоже могли не заметить этого, но они заметили. Всем было известно о моей внутренней борьбе. На их лицах был неописуемый восторг.

— Стэн, да вы стали верующим! Слава Тебе, Господи! — Они поднялись и по очереди стали обнимать меня. Некоторые от радости даже всплакнули. И тут я тоже расплакался от переполнявших меня чувств.

Решение было принято, еще когда я с Лиллиан сидел на скамейке, подыскивая ответ на ее вопрос. На какое-то время я даже увидел, как вся моя жизнь прошла у меня перед глазами. Кто же является моим Богом? Ведь все в моей жизни было для меня важно, кроме Бога...

Пытаясь найти правильный ответ на вопрос Лиллиан, я сказал себе: «Без всякого сомнения, я верю в Бога моих предков — Бога Авраама, Исаака и Иакова. Я верю в то, что Библия — богодухновенна и что Иисус и есть Мессия. Ну-ка повтори, во что ты поверил, Стэн?» Казалось, этот вопрос родился внутри меня и был задан мне именно тогда, когда я сидел на каменной скамейке. Какая-то часть меня, как будто захваченная врасплох, хотела ретироваться. Другая же часть подталкивала все мое существо, заставляя повторять: «Я верю, что Иисус — Мессия».

Лиллиан, в тот жаркий летний день 1975 года, когда ты задавала мне все эти вопросы, я внутренне боролся

с самим собой. С тех самых пор и до сих пор я пытаюсь понять, каким образом тебе удалось выбрать нужное время, нужное место и подобрать подходящие вопросы... Хотя ничего специально ты и не подбирала...

После всех объятий и улыбок за столом и после того, как я вытер наворачнувшиеся на глаза слезы, я понял, что, несмотря на долгие недели, потраченные на поиски истины, она стоила того. Сила этой истины была неизмеримо больше силы страха. С моей души свалился огромный груз. В глубине сердца рождалась песня. Меня переполняла такая радость, которой я никогда в жизни еще не испытал, и я наслаждался ею.

Где-то около полудня я опять подумал об Этель. Нужно бы сказать ей о своем решении. Неожиданно меня пронзило чувство вины... Я помчался к телефону.

Остановившись перед телефоном, я стал обдумывать, что я ей скажу и как именно все представлю. Чем больше я готовился к разговору, тем тяжелее становилось на душе. Как воспримет это Этель? Может, она почувствует, что я предал ее так же, как и Джуди? А Энн? Теперь она отвернется и от меня! Неужели наша семья распалась не две части? Я обливался холодным потом...

Когда Этель взяла трубку, я начисто забыл о заранее подготовленном диалоге. Все, что я выпалил, было:

— Этель, это я! Кончено! Решение принято! Иисус и есть Мессия!

Пока я переводил дух, на миг воцарилось молчание. Затем Этель обычным ровным голосом ответила:

— Слава Богу, теперь мы одно целое. Мы ждали только тебя...

ОПЯТЬ ВМЕСТЕ

Поговорив с Этель, я повесил трубку. Ну и ну! И Этель, и Энн уверовали во Христа! Но ведь ничего подобного перед моим отъездом в Сан-Франциско даже не намечалось! Что же в таком случае произошло?

Измученный, но счастливый, я тепло попрощался со своими новыми друзьями, которых завел в Мессия-колледже, и отправился на своем БМВ домой.

К моему огромному удивлению, Этель встретила меня в исключительно хорошем настроении:

— Ты, Стэн, был слишком поглощен своей работой и не заметил во мне никакой перемены!

И Этель принялась описывать события, убедившие ее уверовать во Христа.

Сначала было упорное сопротивление, переходящее порой просто в злость. С марта по май они с Хейди очень много беседовали. Хейди была неизменно спокойной, понимающей, благожелательной и выдержанной, являя собой пример истинной последовательницы Христа. При всей нашей растерянности, неверии и отрицании христианства она никогда не теряла самообладания.

Вначале, сразу же после того, как Этель начала читать Библию, перемена была мало ощутимой. Так же, как и мне, ей не терпелось найти оружие, которым она смогла

бы разрушить все, во что верила Джуди, и она искала в Библии аргументы.

Этель не могла точно назвать день, когда было принято окончательное решение:

— Это произошло незадолго до моей поездки в Бостон, как раз накануне твоего отъезда в Сан-Франциско. За день до этого я пошла спать, все еще будучи уверенной в том, что Иисус был просто хорошим человеком, но не Тем, за Кого Себя выдавал. Когда же я проснулась на следующее утро, то поняла, что Он говорил правду. Иисус и был Мессией! Ты понимаешь, что все может произойти так просто, как произошло, Стэн?

Я кивнул головой и рассказал ей, как это случилось со мной, когда мы сидели с Лиллиан на каменной скамейке в студенческом городке Мессия-колледжа. Я приложил поистине нечеловеческие усилия, пытаюсь отыскать истину через чтение Библии и других книг. Я поговорил со множеством знающих людей. Моя голова была просто переполнена огромным количеством сведений, которые я поместил в нее за столь небольшое время. И благодаря всему этому я вконец запутался. А затем совершенно неожиданно Господь открыл мое сердце для Своей истины, и все встало на свои места, явив мне четкую, ясную картину, имеющую абсолютный смысл.

Слушая меня, Этель одобрительно кивала:

— Никто из нас осознанно не принимал никакого решения. Оно было принято в глубине наших сердец.

— Ты сказала Джуди? — спросил я ее.

Этель согласно кивнула:

— Вот день, когда я должна была уехать из Бостона, я простудилась. Поднялась температура, и меня тошнило. В голове была полнейшая мешанина от всего, чего я читалась и наслушалась. Даже трудно было выбрать, что делать: лечь в постель или лететь в Бостон. Но что-то внутри побудило меня выбрать последнее.

— Голос у тебя, конечно, был не ахти, когда я звонил из Сан-Франциско...

— Да уж... Приехав к Джуди, — продолжала Этель, — почувствовала себя так плохо, что сразу легла спать. Джуди даже хотела вызвать врача, но я сказала, что не надо и что все пройдет, если я как следует выплюсь.

— И ты тогда еще не сказала Джуди, что стала верить в Христа?

— Нет. Я ведь была не вполне уверена в том, что со мной произошло, да и потом эта простуда... На следующий день мне было очень плохо, но Джуди я сказала, что мне уже лучше, чтобы она не волновалась. Однако она видела меня насквозь.

— Как ты догадалась?

— Она спросила, может ли пригласить своего друга Чарлза помолиться за меня. Хоть мне и не хотелось никого видеть, все же я не могла отказать ей, видя, как она переживает.

— Это не тот ли Чарлз, брат которого пытался совершить самоубийство?

— Тот самый. Он стал верующим в тюрьме, и именно он взял с собой Джуди в первый раз в церковь. В тот вечер он пришел к Джуди. Сначала он рассказал мне

свою историю. Он отсидел в тюрьме двенадцать лет. Подумать только! Я посмотрела на него... Никогда бы не поверила, что он что-то натворил — таким он выглядел добрым, мягким, полным любви к людям.

При воспоминании об этом глаза у Этель наполнились слезами.

— Потом он попросил разрешения помолиться о моем выздоровлении. Мне стало как-то неловко, но поскольку я чувствовала себя очень плохо, то согласилась. Пока он молился о моем здоровье, я тоже помолилась. Мне очень захотелось, чтобы Бог исцелил меня ради Чарлза — он был таким искренним и так трогательно заботился обо мне. Чарлз был уверен, что я поправлюсь, и попросил меня позвонить ему в любое время, как только почувствую себя лучше.

Пока Этель рассказывала, я держал ее руку в своих руках.

— Как только Чарлз ушел, меня сразу затошнило, и я побежала в туалет. Через несколько минут Джуди постучала в дверь — она хотела помочь мне. Когда она вошла, я сидела на полу и держалась за голову. Поговорив с Джуди, я вдруг почувствовала облегчение. Даже не знаю, когда именно это произошло. Просто мне вдруг стало намного лучше. Я встала, повернулась к Джуди и радостно сказала ей, что проголодалась и что не ела, кажется, дня три. Мы обе засмеялись и отправились на кухню. Вместо нормальных продуктов, из которых можно что-нибудь приготовить, у Джуди были только ливерная колбаса, ржаной хлеб и горчица. Не очень подходя-

щее меню, особенно для того, кого выворачивает наизнанку. Я сказала: «Ну что ж, если Бог действительно исцелил меня, то я могу съесть все что угодно и мне это не повредит, правда?» Мы опять рассмеялись, и я сделала себе огромный бутерброд. Было необыкновенно вкусно, и все обошлось. Чувствовала я себя прекрасно.

И тогда-то Этель и рассказала Джуди, как за три дня до этого она проснулась с ясной мыслью о том, что поверила в Христа. Джуди необыкновенно обрадовалась, и они обе заплакали. Именно Джуди объяснила матери, что ее поездка в Бостон была важным подтверждением новообретенной веры. «У всех у нас Бог очищает сердца!» — сказала Джуди, не зная, что ее слова окажутся пророческими.

А с Энн было еще интереснее. Вначале она отнеслась враждебно к принятому Джуди решению, но постепенно ее сердце оттаяло, и благодаря усилиям Этель отношение к сестре потеплело. Она переживала больше всего из-за того, что Джуди отдалась. Прошло несколько месяцев, боль утихла, но нет-нет да и напоминала о себе.

Наступил выпускной вечер, а потом та поездка к Нилу в Лос-Анджелес... Она сразу поняла, что с ним произошло что-то странное. Не долго думая, Нил выложил Энн все сразу. Да, он стал верующим. И он признал Иисуса Мессией.

Дальше продолжать не буду. Пусть когда-нибудь она сама напишет об этом, но вот приблизительное содер-

жание телефонного разговора между сестрами спустя несколько дней:

— Привет, Джуди! Это Энн. Отгадай, что произошло?

— О-о-о, Энн... Мне так хотелось, чтобы ты мне позвонила! Что случилось?

— Ты не поверишь. Я и сама с трудом верю...

— Во что?

— Я гостила несколько дней у Нила. Он стал верующим, как и ты!

— Потрясающе! Я так рада за него!

— Но это еще не все...

— Давай дальше!

— Со мной это тоже произошло... Вчера вечером.

— Брось шутить!

— Честное слово, правда! Я признала Иисуса Мессией и своим Господом. Скорее бы ты приехала, тогда я расскажу тебе все поподробнее!

— Энн, я до слез рада! А родителям ты уже сказала?

— Нет еще. Боюсь... Из-за этого может распасться семья!

— Все будет хорошо. Ведь мы все любим друг друга. Скажи им правду, и Бог устроит все как нельзя лучше, так, что наша семья станет еще крепче!

— Если что, поможешь мне?

— Ну, конечно! Энн, как будто мы и не ссорились! Я так рада!

— Я тоже, Джуди. Я ведь очень тебя люблю.

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС

В моем списке оставался последний, пятый, вопрос, ответ на который мне еще предстояло найти. Если я верю в то, что Иисус и есть обещанный Мессия, то что мне от этого?

Признать Иисуса Мессией и Господом — жизненно важное решение. Но после того, как я принял его, я находился в состоянии какого-то экстаза, мне хотелось узнать о Нем как можно больше. Мне хотелось общаться с другими верующими, говорить только о Господе и о Библии. Мне хотелось поделиться своим ощущением, как это было принято называть у верующих, «облечением Духа». Мне хотелось как можно больше узнать о том, что же на деле означает быть обновленным и какое значение это может иметь для моей дальнейшей жизни. Я чувствовал, что мне необходимо наверстать упущенные годы.

Вскоре я уже посещал до девяти собраний в неделю, и все это в дополнение к моей основной работе. Так продолжалось долгие месяцы, но каждая потраченная таким образом минута приносила мне неизъяснимое духовное наслаждение. Однако это все же было для нас утомительно. Нам с Этель пришлось стать более разборчивыми. Ведь физическая выносливость весьма ограничена. Когда первоначальное возбуждение немного прошло, мы ограничились посещением четырех собраний в неделю.

После того, как я стал верующим, один из моих дру-

зей, основываясь на собственном опыте, предупредил меня, чтобы в течение последующих месяцев, а то и лет, я не особенно рассказывал другим о произошедшей во мне перемене. Не то чтобы следовало все отрицать, если бы меня спросили, но чтобы я побольше обо всем узнал, прежде чем займу какую-то четкую позицию. Подумав, я пришел к выводу, что это неплохой совет.

Этель, однако не прислушалась к этому совету. Когда один из наших друзей пригласил ее выступить по радио и рассказать о том, какое место Бог занимает в ее жизни, она, не раздумывая, согласилась.

Потом мы с ней обсуждали это. Конечно же, меня немного огорчил ее поступок, но поскольку радиопрограмма шла по местной христианской станции, я подумал, что ничего страшного не случится. Естественно, ни один из наших старых друзей не станет слушать эту станцию.

Однако я просчитался. Секретарша в офисе моей сестры Доррис слышала эту передачу и чрезвычайно обрадовалась, услышав рассказ Этель и узнав ее. Она тут же сообщила новость моей сестре, которая восприняла ее довольно враждебно. В результате наши отношения с сестрой прекратились. Однажды, спустя несколько недель, Доррис сказала мне:

— Послушай, Стэн, ты мой брат! Но прошу тебя — ни слова о том, что ты думаешь и во что ты веришь. Тебе понятно?

Мне было слишком хорошо все понятно. Новость о том, что произошло в нашей семье, распространилась по всей еврейской общине. Мы тут же заметили, как все

начали отворачиваться от нас при встречах в магазинах. Нас никуда не стали приглашать. На общих мероприятиях в еврейской общине люди встречали нас холодным взглядом, с поджатыми от негодования губами. Мы никому ни о чем не говорили, но поползли слухи, и нас осудили и обвинили в отступничестве. Приговор? Полная изоляция.

И тем не менее не все наши друзья вели себя подобным образом. Некоторые звонили и спрашивали:

— Что случилось?

Другие приходили к нам с желанием разобраться, в чем дело. Настоящие друзья остались таковыми до конца. Поскольку мы никогда не говорили с ними о Боге, никогда не обсуждали свое отношение к Священному Писанию, или к библейским пророчествам, или к вопросу о Мессии, или чему-либо в этом роде, они полагали, что наши взаимоотношения не строились на этих вопросах, поэтому и остались нашими друзьями.

И все же для нашей семьи наступило время настоящего испытания.

Через несколько месяцев после того, как распространились слухи о том, что мы стали мессианскими евреями (что эквивалентно понятию «христиане»), мне пришлось посетить однодневный семинар, устраиваемый одной местной торговой организацией. В перерыве между выступлениями я встретил одного человека, с которым был знаком лет двадцать.

Мы вместе учились в университете, вместе работали когда-то в разных комитетах, вместе участвовали в ра-

боте еврейской организации «Юнайтед Джуиш Аппил». Когда я подошел к нему, чтобы поболтать, он ответил на мое приветствие равнодушным молчанием и ледяным взглядом. Удивившись такому отношению, я спросил его:

— Эй, Фрэнк, в чем дело? Чем я заслужил подобное отношение?

Вначале он вообще не хотел ничего говорить. Когда же я настоятельно стал спрашивать его, он просто уставился на меня:

— Послушай, Стэн, мне нечего тебе сказать. Жаль, что мы вообще были с тобой знакомы. Если тебя так интересует мое мнение, то я думаю, что ты последний подонок! Ты стал одним из этих, христиан. Я хочу защитить свой народ от таких, как ты!

С этими словами он отвернулся от меня, но, глубоко задетый за живое, я все же отпарировал:

— Что ты имеешь в виду? И вообще, что тебе известно обо мне и моей вере? Как ты смеешь говорить, что «должен защищать свой народ от таких, как я»?

Фрэнк не замедлил с ответом:

— Послушай, ты, сукин сын! Если мне нужно объяснять тебе, что я имею в виду, то ты гораздо тупее, чем я думал!

С этими словами он повернулся и пошел от меня прочь. Во мне поднялась злость, потом пришло отчаяние... И все же я смирился. Я поблагодарил Бога за благодать спокойствия, которую Он дал мне в этот момент.

Спустя несколько дней, вечером, Энн явилась домой вся в слезах. Она была на одной вечеринке у своих старых школьных друзей. Несмотря на то, что некоторые из них были христианами, подавляющее большинство были евреями. В тот вечер один молодой человек из христиан спросил ее:

— Послушай-ка, Энн, это правда, что вся ваша семья свихнулась на Христе?

Энн потеряла дар речи от такого вопроса, да еще в присутствии других. Она даже не знала, что ему на это ответить, кроме правды. Когда она стала рассказывать ему, что произошло, этот «друг» выпалил:

— Можешь не говорить мне об Иисусе! Да и вообще, что вы можете знать о Нем?!

Потом он продолжил свои нападки, и она вынуждена была уйти вся в слезах. Энн была подавлена.

У Этель тоже были свои неприятные истории. Однажды, вскоре после того, как мы стали верующими, она пошла в магазин дешевых вещей неподалеку от дома. Одна из наших бывших соседок подошла к ней и сердито спросила:

— Послушайте, это правда, что о вас говорят?

Этель стало не по себе от такой бесцеремонности.

— Не знаю. А что обо мне говорят?

— Ну, что вся ваша семья стала евреями-христианами?

— Да как вам сказать, — ответила ей Этель. — Вообще-то эта организация находится в Калифорнии. Мы к ней не принадлежим, мы просто примкнули к евреям, которые верят, что Иисус и есть обещанный Мессия.

Если вам интересно узнать, почему, я с удовольствием поговорю с вами об этом как-нибудь в другой раз.

— Нет уж, спасибо! — ответила она и плюнула ей в лицо.

Рассказывая об этом случае, Этель призналась:

— Я была просто в шоке. Уже одно то, что она плюнула мне в лицо, — ужасно.

Но потом я подумала о том, кто она такая и почему она себя так вела. Ведь у нее не было для этого никакой причины! Ни она, ни ее семья не ходят в синагогу, да и вообще у них нет никаких религиозных убеждений. Когда ее сыну исполнилось тринадцать лет и он был готов к Бар-мицве, она закатила пышный банкет, на котором вместо привычной религиозной церемонии мальчик просто играл на виолончели. Как она смеет, не веря ни в Бога, ни в Библию, не придерживаясь никаких еврейских религиозных обрядов — будто всего этого и не существует, — плевать мне в лицо за мои убеждения?!

Однако за последние две тысячи лет секулярное общество только и делало, что занималось нагнетанием эмоций, так что истинная причина разделения между евреями и христианами оставалась в стороне. Знакомая модель: страх, уход в себя, злость и отчуждение.

Наша новая вера немедленно отразилась и на моем бизнесе.

Один из бухгалтеров, которого я знал в течение многих лет и который посылал ко мне клиентов, поскольку ему нравился мой деловой подход, однажды позвонил и сказал, что больше не желает иметь со мной дела. Он

объяснил это тем, что он и его жена чувствовали себя глубоко оскорбленными нашей верой в Иисуса, и по ее настоянию он прекращает сотрудничать со мной. А ведь я даже в глаза не видел его жены!

Несмотря на то, что никто из моих клиентов не отказался от своей страховки из-за моей новой веры, я знал, что в некоторых кругах идет какая-то возня вокруг меня. Еще глубже ушел в себя и почувствовал себя в еще большей изоляции. Однако так вели себя не все.

Мэйбл, которую мы знали лет тридцать, была одной из самых близких подруг моей жены. Когда знакомые обсуждали наш поступок, она коршуном бросалась на защиту. И все же она никак не могла смириться с тем, что мы перестали быть евреями. Мэйбл глубоко переживала за нас. Она не раз приходила к Этель и подружески спрашивала ее:

— Никак не пойму: ведь вы со Стэном — одна из самых счастливых супружеских пар среди всех наших друзей. У вас прекрасные отношения с детьми. Стэн хорошо зарабатывает. У вас великолепный дом. У вас есть все, о чем другие могут только мечтать. Зачем вам понадобилось связываться с этим христианством?

Мы рассказали Мэйбл о наших убеждениях и о нашей внутренней радости. Нам была понятна та боль, которую чувствовала Мэйбл, когда о нас плохо отзывались другие. Мы были ей за это очень благодарны.

И все же у меня нашелся ответ на вопрос, что приносит еврейской семье вера в Христа. Эта вера испытывает и нас. Нам вдруг открылась другая сторона преследований.

В течение всего этого периода Бог поддерживал нас Своей благодатью и Своей любовью. Мы никому не позволили лишиться нас нашей новоприобретенной радости, нашей победы — мы приспособлялись к невзгодам и переменам в своей жизни.

КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ ЖИТЬ?

В течение девяти месяцев после моей поездки в Мессия-колледж я переживал нечто совершенно необыкновенное. Раньше такого со мной никогда не бывало. Я чувствовал такую радость, легкость, свободу, присутствие Бога, что объяснить это тем, кто подобного не ощущал, невозможно.

Я уверен, что большинство новообращенных переживают такое же. Все, что ни просишь в молитвах, тотчас же получаешь. Решение каких-нибудь личных трудностей становится делом еще более легким. Например, мое курение. Имея за плечами тридцатилетний стаж, я несколько раз пытался бросить курить, прибегая и к гипнозу, и психологическому стимулированию, и к волевому усилию... Все впустую.

Проблема достигла пика вскоре после того, как я стал христианином и начал участвовать в собраниях верующих: на одном таком собрании я увидел, что единственный курящий в зале — это я. Мне стало неловко. Наконец я решил обратиться за помощью к Господу, признавшись, что не могу справиться с собой, и попросил

Его помочь мне бросить курить. И Он помог! С тех пор я не курю. Стоило мне только помолиться — и в тот же самый миг у меня пропало всякое желание курить. Поначалу я носил с собой в кармане пачку сигарет, но потом просто выбросил ее.

В нашей жизни проявлялась необычайная легкость во всем, и так продолжалось около девяти месяцев. Затем период эйфории закончился, и я опять впал в отчаяние. В чем же была ошибка? Я попытался поговорить об этом со своими друзьями, у которых был большой духовный опыт. Они только посмеялись и сказали, что Господь указывает мне на необходимость духовного роста. Настало время спуститься с облаков, освободиться от отчаяния и приняться за поиски основ веры. Настало время узнать, какой же путь уготовил мне Бог.

Эта мысль казалась мне несколько претенциозной. Думать о том, что у Бога есть для меня какое-то особое задание, было удивительно. Чем же я могу быть полезен Ему?

Я знал, что как верующий во Христа еврей стал чем-то необычным. Несмотря на то, что я осознавал себя евреем, большинству евреев становилось не по себе в моей компании. Старые раны и негативный жизненный опыт давали о себе знать во многих из них, и в целом члены еврейской общины едва могли поверить в то, что произошло с нашей семьей.

Еврейская община способна понять и признать тот факт, что существуют евреи-ортодоксы, консервативные евреи, евреи-реконструкционисты, евреи-гуманисты,

евреи-агностики, евреи-атеисты, даже евреи-гомосексуалисты. Неважно, что они думают о Боге, они остаются евреями. Но почему-то только мессианские евреи, то есть те евреи, которые поистине верят в Бога и в Иисуса как Мессию, другие. Почему-то именно для них вход в еврейскую общину заказан!

Но христиане, которые не являются евреями, тоже иногда причиняют огорчения христианам-евреям. Некоторые люди почему-то вбили себе в голову, что еврей не может верить в Христа, оставаясь при этом евреем. А потому смотрят они на нас, как на чокнутых.

Некоторые верующие, не являющиеся евреями, уделяют нам слишком много внимания, и это тоже создает своего рода неудобство. Они настолько радуются, увидев, как библейские пророчества сбываются прямо у них на глазах — как Израиль вновь стал государством, как евреи со всего мира собираются туда, как они приходят к Иисусу, признавая Его Мессией, причем в невиданном за две тысячи лет христианства количестве, — что начинают относиться к евреям как к живым игрушкам. Зачастую наших новых братьев и сестер по вере больше интересует то, что мы уверовавшие евреи, чем то, что мы просто новообращенные.

В последующие месяцы мне пришлось столкнуться еще с одной дилеммой. Подобное происходило почти со всеми мессианскими евреями, с которыми я познакомился. Большинство из них воспитывались в еврейских семьях, где такие понятия, как «Бог» и «Библия», отсутствовали. Уверовав в Бога и Мессию, они стали жадно

интересоваться своими предками. Им было интересно узнать как можно больше о своем еврействе и еврейских обычаях. Если же им приходилось сталкиваться с отчуждением или неприязнью со стороны окружающих, они инстинктивно объединялись в группы для взаимной моральной поддержки. Такая модель поведения приобретала универсальный характер, и однажды встал вопрос: как нам жить теперь, когда мы уверовали?

Подобно раковой опухоли, распространялись споры и конфликты. Как я узнал, это продолжалось годами. Иногда казалось, что часы истории повернули вспять, на тысячу восемьсот лет назад, и вновь ожила старая проблема: каким образом евреи могут жить и работать среди других народов? Отличаемся ли мы от остальных верующих, не являющихся евреями, или нет? И можно ли объединяться с ними для духовного общения? А если да, то нужно ли нам ходить в церковь? Не приведет ли это к ассимиляции? Разве этого не нужно избегать всеми путями? Может, нам лучше построить синагоги для наших служб? Если да, то какого толка: ортодоксальные, консервативные или реформистские? Если мы построим синагоги, то что будет с нашими духовными братьями и сестрами других национальностей, если они захотят молиться вместе с нами? Разве они не будут ощущать себя людьми второго сорта? Если это случится, то не будет ли это противоречить Библии, где говорится, что мы должны быть едины во Христе? Не будет ли наше следование чисто еврейским обычаям продиктовано страхом перед людьми или своего рода служением идо-

лам? Как мы можем примирить Слово Божье с культурологическими особенностями и глубинным еврейским страхом, которые все еще существуют? Каким образом нам удастся сохранить свое еврейство?

Дискуссии все продолжались и продолжались.

Я присоединился к верующим евреям, которые задавались теми же вопросами. Собрания проходили довольно эмоционально, и выступавшие были весьма красноречивы. Проблема затрагивала многие группы, можно сказать, это было явление национального масштаба. Странно, но только в Израиле эта проблема вообще не считалась таковой. Там верующие евреи не боялись потерять свое лицо, свое еврейство. Они знали, что они евреи и что никто не в силах отнять у них этого.

Несколько групп уже решили, что остается только одно: еще больше стать евреями. Это были сторонники ультраправого подхода. Другие почти совсем отказались от своих еврейских корней, заняв крайнюю левую позицию. Такое противоречие рождало горячие дискуссии на собраниях, на конференциях, за чашкой кофе, в бесконечных телефонных беседах... Сплошная говорильня.

Все это время я старался найти решение проблемы в Писании. И вот я обнаружил то, что было похоже на Божий ответ. Иисус сказал:

«Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Евангелие от Матфея, 5:11).

«И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Евангелие от Матфея, 10:22).

«Нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царства Божьего, и не получил бы гораздо более в это время, и в веке грядущем — жизнь вечную» (Евангелие от Луки, 18:29—30).

Смысл был ясен: нам предстояли преследования не только от других, но от собственной семьи. Но тот, кто вынесет все тяготы, со временем будет вознагражден особой благодатью.

То же самое говорил Петр. Когда он писал свое первое письмо к верующим евреям, они опасались за свою жизнь. Римский император Нерон объявил, что последователи Христа виноваты в огромном пожаре, в результате которого сгорел почти весь город. За ними немилосердно охотились, а в случае поимки обливали смолой, предавали огню. И те горели, как факелы, освещая собой императорские сады, или же их скармливали львам на гладиаторских аренах.

Обращаясь в своих посланиях к братьям-евреям, Петр не взирал на обстоятельства и не оглядывался назад. Он смотрел вперед. Он напоминал им об их избранничестве, об их награде. Сам Бог приготовил эти награды, которые нельзя было купить, которых нельзя было лишиться. Петр знал, с чем приходилось сталкиваться верующим, однако он не заострял на этом внимания. Он всегда подчеркивал значение Слова Божьего. Он побуждал их с радостью наполняться Словом Божиим, впитывая в себя духовное молоко.

Петр не скрывал от своих адресатов, что было для них самым важным. Он учил их, что они нашли наконец живительное зерно, несмотря на все преследования, и что они были избранным народом Божиим. Перед лицом всех преследований на них лежала огромная ответственность, ведь им предстояло построить духовный храм Божий. Именно на них и лежала святость апостольства, способного к великим духовным жертвам, которые угодны Богу. Совет Петра был ясным:

«Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Петра, 4:7–8).

«Более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь» (2 Петра, 1:10).

Но именно у Иоанна я нашел ключ к правильным отношениям:

«Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна в нас. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего» (1 Иоанна, 4:12–13).

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Иоанна, 4:16, 18).

А как же мы, верующие, относимся друг ко другу? Апостол Павел кратко сформулировал это во второй главе Послания к ефесянам, в которой он пишет, что

Мессия пришел как к евреям, так и к язычникам, чтобы примирить их с Богом Отцом. И каждый из верующих принят в семью Божью, каждый является наследником Иисуса Христа.

В результате долгих месяцев изучения Библии и других книг, молитв и личного опыта я пришел к определенному мнению. Я еврей. Я родился евреем и им умру. И если бы даже было возможно отказаться от своего еврейства, я бы никогда этого не сделал. Я еврей и по рождению, и по личному желанию.

Кстати говоря, мне очень нравится быть евреем, и у меня нет никаких комплексов в связи с этим, на меня не действуют чьи-либо страхи и чувство неловкости. Мое еврейство не было навязано мне общественным мнением или постановлением правительства. Оно не было дано мне людьми и не может быть отнято ими.

Будучи евреем, я даже более чувствителен к учению Христа, Который Сам был евреем по рождению, жил как еврей, выбрал Себе в ученики евреев и любил еврейский народ. Как Его ученик и последователь я знаю, что Он был более всего озабочен помыслами, исходящими из наших сердец, чем нашими действиями. Это знание дает мне душевный покой, и все свои заботы, все свои трудности я возлагаю на Него, полностью отдаваясь действию Святого Духа и пребывая в любви, мире и радости.

В своих взаимоотношениях с другими верующими — будь то евреи или нет — я прежде всего ищу мира, дающего понимание и мудрость. Я стремлюсь избегать ссор

и обид и достигаю этого по мере проявления во мне Божьей любви.

Мои отношения с близкими и друзьями я строю на принципах постоянства, никогда не забывая о своем еврействе, о своих предках, об Израиле. И еще я не позволяю, чтобы что-либо стало для меня камнем преткновения. Если у меня появится желание сделать приятное другим, пойдя на компромисс со Словом Божиим, это — реальная опасность. Писание предупреждает нас, что многие споткнутся о краеугольный камень. Иисус и есть этот краеугольный камень. Верующий в Него не должен идти на компромисс, он должен следовать за Господом. Если мы будем так поступать, то наш внутренний мир породит понимание с людьми, и это только подтвердит истинность Писания.

За последние две тысячи лет история убеждает нас в том, что человек жестоко относится к ближнему. В обществе такое поведение классифицируется как способ выживания. Было жизненно необходимо, чтобы евреи защитили себя как нацию от тех, кто стремился уничтожить их. Мир не изменился. Но Бог, Который создал нас, избрал нас и простер к нам Свои руки, заключив с нами Свой завет, не желает уничтожить нас. Истинные христиане не виновны в жестокости по отношению к евреям.

Я благодарю Бога за Его истинное Слово, освободившее меня. Благодарю Его за то, что, читая и Ветхий, и Новый Заветы, я узнаю Одного и Того же Автора. Я радуюсь тому, что предупреждения, записанные во

Второзаконии, стали для меня понятны и позволили мне выбрать жизнь. Мне не терпится начать то, к чему Он призвал меня.

Бог существует! Бог Авраама, Исаака и Иакова реален. Реален и Мессия, Иисус. Он дал мне Святого Духа, Духа свободы! Я больше не желаю быть рабом обычаев, традиций, старой ненависти или страха. Мой Бог — настоящий властелин! И именно в Нем я и живу, иду вперед и ощущаю себя личностью.

Каким образом мне удастся сочетать силу и реальность этих истин? Они исходят из каждой клеточки моего существа. Это и есть Благая весть для тех, кто ищет Бога и хочет Его познать!

С ТЕХ ПОР...

Моя жизнь кардинально изменилась. Мои глаза открылись. Мои уши стали слышать. Мои горизонты расширились. Мое мироощущение стало более острым. Моя радость достигла новых высот. И, наконец, у меня есть постоянно растущее желание читать Слово Божье.

Многие в Вашингтоне в конце концов узнали, что произошло с Этель и со мной, и посыпались приглашения прийти и поделиться своей радостью. Со временем нас стали приглашать как учителей Слова Божьего. Несмотря на то, что вначале у нас не было никаких навыков в этом, постепенно я понял, что нужна дисциплина в подготовке к регулярному проповедованию и что это явля-

ется для меня прекрасной возможностью поучиться самому. Такая подготовка заставит меня изучать Слово Божье. Это было очень ответственное задание, но я взялся за него.

Первое наше выступление состоялось в вашингтонской конгрегации. Здесь нас с Этель попросили провести занятие с молодежью о выборе профессии. На занятии присутствовало около двадцати четырех человек, а потом количество выросло до семидесяти пяти, включая и людей других возрастов.

Пытаясь узнать, в какой области молодые люди больше всего нуждаются в помощи, я получил около восьмидесяти ответов. Проблемы были следующие: чувство неполноценности, одиночество, высокие требования к себе и окружающим, проблемы в отношениях с родителями и сверстниками, обостренное чувство самолюбия, неуверенность в отношениях с противоположным полом, вопросы любви и половой жизни, проблемы супружеской жизни, выбор профессии. Ответы на все эти вопросы мы пытались найти в Священном Писании. Мы открывали библейские принципы жизни более чем семидесяти пяти студентам. Зная эти принципы и обладая личной свободой, они могли руководствоваться ими в своей жизни.

Потом началось изучение Библии у нас дома. Поначалу я пригласил двадцать четыре верующих человека, двенадцать из которых были евреями. Мне хотелось воочию увидеть, как действует сила Божьего Слова в этой смешанной группе. И хотя в конце концов в группе

осталось больше тех, кто не были евреями, мы завели новых друзей и во время наших занятий по средам видели, как обновляется из жизнь. Это был потрясающий опыт!

Мы приняли на себя ответственность за настоящее духовное воспитание этих людей. Я знал, что люблю людей, что был хорошим отцом и хорошим учителем. Но когда мне задавали вопрос о том, когда я открою свою собственную миссию, мне становилось неловко. На самом деле это было моим тайным желанием, однако мне претило навязываться людям. Чтобы как следует разобраться в том, что же все-таки со мной происходит, я встретился с несколькими опытными христианами, которых я знал в Вашингтоне и Балтиморе, и спросил их, чувствуют ли они, что у меня есть призвание к служению Богу.

Я чрезвычайно обрадовался, когда у каждого из них я нашел подтверждение своим мыслям. Один даже сказал мне, что угадал мое призвание еще год назад, но просто ждал, когда я сам увижу в себе этот дар.

Однажды из Сан-Франциско мне позвонил мой друг. После обмена любезностями он перешел прямо к делу:

— Стэн, хочу спросить тебя вот о чем. Что ты собираешься делать дальше?

Ну и вопрос, да еще по телефону, с другого конца Америки!

Мы проговорили часа полтора, и он предложил следующее: взять длительный отпуск и поехать на год в школу по изучению Библии. Не в семинарию, поскольку это

ни к чему, а в библейскую школу, где учат о Боге и Его Сыне Иисусе Христе. Потом вернуться уже готовым к служению — учить людей Слову Божьему, служить им всем тем, что нам вверено Господом.

От такого предложения у меня захватило дух. Я знал, что мне необходимо глубже изучать Слово Божье перед тем, как основать свою миссию и стать духовным учителем других. А что будет с моим бизнесом? После двадцати пяти лет неустанных трудов он процветал, у меня были сотни важных клиентов. Разве я мог бросить его на целый год? Сможет ли моя секретарша Дженни справиться с клиентами в мое отсутствие?

Удивительно, но все уладилось само собой. Прежде всего, Этель одобрила мою идею. Дженни согласилась остаться одна и вести бизнес на тот год, что меня не будет. 30 июля 1979 года мы продали свой дом и через три недели отправились на учебу.

В городе оставалась Энн, которая только что окончила факультет художественных искусств, и бросить ее одну было тяжело.

— Я ничему не удивляюсь, — сказала она, улыбаясь. — Обычно дети оставляют родителей, чтобы поехать учиться в колледж, но вот чтобы родители оставляли детей, чтобы поехать в библейскую школу, — о таком я еще не слыхала!

Прожив почти всю жизнь в больших домах, мы с Этель с трудом привыкали к малюсенькой, обставленной дешевой мебелью трехкомнатной квартирке. Это было нелегко, но ведь мы были любящей парой. То, что нам с

Этель пришлось начать жизнь заново, оказалось едва ли не самым благотворным событием моей жизни. Это было не только временем посвящения себя делу Божьему, но также временем открытия в самих себе новых горизонтов.

Прошло девять месяцев, и 28 мая 1980 года мы вернулись в Вашингтон. Я только посетил мой страховой офис... Через шестнадцать дней я организовал миссию живого Слова Божьего в городе Бетезда, штат Мэриленд, и стал духовным наставником. Наша миссия — межконфессиональная и состоит как из евреев, так и из тех, кто таковым не является.

Прежде всего мы оказываем духовную помощь новообращенным, помогая им понять, что именно в Мессии — Христе — они и получают полное самовыражение, а это заставляет их осознать духовную реальность всего происходящего в их жизни. Они освобождаются от духовной несвободы и суетности обычного философствования. В нашей миссии мы не ищем способов развлечь прихожан. Прежде всего мы учим их тому, что необходимо исполнить Божьи заповеди, данные в Слове Божьем. Чудо Божьей любви и Его благодать начинают менять их жизнь. Они уже никогда не возвращаются к прежнему образу жизни, исполняясь неизъяснимой радостью, несмотря на периоды сомнений и тяжелых испытаний.

Самым интересным в нашей миссии является то, что мы с Этель стараемся учить еврейскому пониманию Слова Божьего в свете Нового Завета. Ведь большин-

ство верующих, как евреев, так и неевреев, недооценивают еврейскую трактовку того, что описано в первых пятнадцати главах Деяний апостолов. Не слышали они и о еврейском толковании Послания к ефесянам. Большинство неевреев никогда не присутствовали на праздновании седера в праздник Песах, и когда я провожу седер в сокращенном варианте, согласно Божьему Слову, им это очень нравится, и они узнают много нового. И радостный праздник Рош-ха-Шана, и торжественный Йом-Киппур празднует весь приход, получая при этом сведения о библейском значении каждого из праздников.

На Пурим Этель объясняет значение книги Есфирь и угощает прихожан традиционными «гомен-ташенами» — мучными сладостями, выпеченными в форме треугольника. На Ханукку, праздник свечей, Этель приносит традиционные латкесы — картофельные оладьи, которые едят с яблочным пюре и сметаной. Мы не чувствуем особого желания проводить наши богослужения на еврейский манер, однако наше еврейство проявляется само собой, привнося богатство нашего еврейского наследия в понимание Бога наших предков и помогая нам служить Иисусу Христу в духе и истине.

Наша семья еще никогда не была такой сплоченной — теперь мы все знаем истину об Иисусе, и все, что бы мы ни делали, мы делаем в духе этой истины. Энн работает художником-оформителем, занимаясь время от времени литографией. Джуди 15 апреля 1978 года выш-

ла замуж за Джона Мэнгат-Рэя, а 17 апреля 1979 года подарила нам нашу первую внучку — очаровательную Дженнифер.

Я стараюсь наладить свои отношения с родственниками. Один из моих братьев помогает мне в работе. Другому моему брату и сестрам мало известно о нашей новой жизни, поскольку у нас не было возможности поделиться с ними своей духовной радостью. Поэтому мы стараемся сосредоточиться на том, что нас сближает, не заостряя внимания на том, что нас разделяет. Я их понимаю и терпеливо жду — ведь я очень люблю своих родных.

Теперь я совершенно разобрался в самом себе (что раньше считал невозможным) и знаю, что мне предстоит сделать в жизни. Я понимаю важность и ответственность духовного учительства, и мне хочется и дальше учить людей постигать силу Слова Божьего.

Сделав свой выбор, и я, и Этель хотим сказать всем — и евреям и неевреям — сердечное шалом! Ведь мы хотим, чтобы вы были духовно свободными от страха перед будущим, от раздоров и жизненных стрессов. Мы желаем всем здоровья и процветания — и в личной жизни, и в духовной!

ПРИЛОЖЕНИЕ

В недавних исследованиях, проводимых богословами, указывается на то, что существует четыреста пятьдесят шесть пророчеств о Мессии. Какова же вероятность исполнения этих пророчеств? Питер Стоунер опубликовал по этому поводу статью в журнале «Новости науки» (*Moody Press, 1963*), в которой он рассматривает следующие восемь пророчеств:

1. Место рождения Мессии.
2. Посланник с вестью о Нем.
3. Каким образом Ему предстояло въехать в Иерусалим.
4. Его предаст ученик.
5. Его предадут за тридцать сребреников.
6. Деньги будут брошены в Божий Храм.
7. Он будет молчать перед Своими истязателями.
8. Его казнят через распятие.

Стоунер пишет, что используя современные данные теории вероятности в отношении этих восьми пророчеств, «мы находим, что шансы на то, что кто-нибудь проживет до настоящего времени и исполнит все восемь пророчеств — один из десяти в семнадцатой степени. А это равняется одному из 100 тыс. миллиардов. Для того чтобы представить себе это, мы должны взять десять в семнадцатой степени долларов серебром и покрыть ими весь штат Техас. Толщина слоя будет равна двум футам. А теперь пометьте каким-нибудь образом один из этих долларов и перемешайте все доллары. Завяжите кому-

нибудь глаза и попросите его, чтобы, передвигаясь с любой скоростью, он нашел один-единственный серебряный доллар с отметиной. Сколько шансов будет у него найти нужный доллар? Точно столько же шансов и было бы у пророков, чтобы все восемь исполнились в одном человеке (с того времени до наших дней) при условии, что они написали эти пророчества по своей мудрости».

А сколько шансов у одного человека исполнить каждое из сорока одного приведенных ниже пророчеств? **Астрономический минимум!** А сколько шансов для исполнения всех четырехсот девяноста шести пророчеств из Ветхого Завета?

Я еще раз кратко остановлюсь на пророчестве из Книги Даниила (9:26). Он говорит о разрушении города и жертвенника царем, который придет после того, как Мессия будет предан казни. И это произошло в 70 г. н. э., когда Храм был разрушен Титом и его легионами. Вспомним, что генеалогия для евреев — дело серьезное и исключительно важное. Знаем также, что генеалогия всех колен хранилась в Храме, а поскольку Храм был разрушен, то уничтожены были и генеалогические сведения. После их уничтожения стало невозможно доказать, что Мессия придет из рода Давидова. Необходимо было иметь доказательства, что Он — Мессия. Мессия должен был произойти от Авраама, Исаака и Иакова, от Иуды, от Иессея, от Давида.

Если никто не мог установить происхождения Мессии, его мессианство становилось недоказуемым. Этот вывод ставит всех евреев в довольно шаткое положение:

либо все пророчества о Мессии неверны и фальшивы, и тогда вся концепция Мессии в еврейской жизни просто миф, а Библия — не что иное, как просто история еврейского народа, либо Мессия уже приходил до разрушения Храма.

ПРОРОЧЕСТВА И ИХ ИСПОЛНЕНИЕ

Божий Сын

Пророчество: «Возвещу определение, Господь сказал Мне: „Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя“» (Пс. 2:7), см. также: 1 Пар. 17:11–14, 2 Цар. 7:12–16.

Исполнение: «И вот голос с небес, говорящий: „Это Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение“» (Мф. 3:17).

Семя Авраамово

Пророчество: «И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт. 22:18).

Исполнение: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давида, Сына Авраамова» (Мф. 1:1).

Сын Исаака

Пророчество: «Бог сказал Аврааму: „Не огорчайся из-за отрока и рабыни твоей. Во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семя“» (Быт. 21:12).

Исполнение: «Иисус... Сын... Исаака» (Лк. 3:23–34).

Сын Иакова

Пророчество: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» (Чис. 24:17).

Исполнение: «Иисус... Сын... Иакова» (Лк. 3:23–33).

От племени Иудина

Пророчество: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель и Ему покорность народов» (Быт. 49:10).

Исполнение: «Иисус... Сын... Иуды» (Лк. 3:23—33).

От корня Иессеева

Пророчество: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис. 11:1).

Исполнение: «Иисус... Сын... Иессея» (Лк. 3:23—33).

Из дома Давидова

Пророчество: «Вот, наступают дни, — говорит Господь, — и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле» (Иер. 23:5).

Исполнение: «Иисус... Сын... Давида» (Лк. 3:23—33).

О Его происхождении

Пророчество: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5:2).

Исполнение: «И Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1:17).

Его нарекут Господом

Пророчество: «Сказал Господь Господу моему: „Воссядь одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих“» (Пс. 109:1).

Исполнение: «Ибо ныне родился вам в городе Давидовом

Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2:11).

Он будет пророком

Пророчество: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему» (Втор. 18:18).

Исполнение: «Народ же говорил: „Это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского“» (Мф. 21:11).

Он будет назван священником

Пророчество: «Клялся Господь и не раскается: „Ты священник вовек по чину Мелхиседека“» (Пс. 109:4).

Исполнение: «Итак, братья святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа» (Евр. 3:1).

Он назван будет судьей

Пророчество: «Господь — судия наш, Господь — Законодатель наш, Господь — Царь наш; Он спасет нас» (Ис. 33:22).

Исполнение: «Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен, ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца» (Ин. 5:30).

Он будет Царем

Пророчество: «Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею» (Пс. 2:6).

Исполнение: «И поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: „Это Иисус, Царь иудейский“» (Мф. 27:37).

На Нем будет Святой Дух

Пророчество: «И почиет на нем Дух Господен, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис. 11:2).

Исполнение: «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды. И вот отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божьего, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф. 3:16).

Он будет творить чудеса

Пророчество: «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих откроются. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немого будет петь...» (Ис. 35:5–6).

Исполнение: «И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царства и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 9:35).

Он будет говорить притчами

Пророчество: «Открою уста мои в притче и произнесу сокровенное из древности» (Пс. 77:2).

Исполнение: «Все это Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (Мф. 13:34).

Его предадут за тридцать сребреников

Пророчество: «И скажу им: „Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет — не давайте“, и они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников» (Зах. 11:12).

Исполнение: «И сказал: „Что вы дадите мне, и я вам предам Его?“ Они предложили ему тридцать сребреников» (Мф. 26:15).

Деньги будут брошены в Божьем Храме

Пророчество: «И взял я тридцать сребреников и бросил их в сокровищницу дома Господнего для горшечника» (Зах. 11:13).

Исполнение: «И, бросив сребреники в храме, он вышел...» (Мф. 27:5).

Он будет покинут Своими учениками

Пророчество: «Порази Пастыря — и рассеются овцы!» (Зах. 13:7).

Исполнение: «Тогда оставив Его, все бежали» (Мк. 14:50).

Его оклеветают

Пророчество: «Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня» (Пс. 34:11).

Исполнение: «Первосвященники, и старейшины, и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли» (Мф. 26:59–60).

Он будет молчать перед Своими обвинителями

Пророчество: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих...» (Ис. 53:7).

Исполнение: «И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал» (Мф. 27:12).

Он будет мучим

Пророчество: «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:5).

Исполнение: «Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие» (Мф. 27:26).

Он будет поруган и оплеван

Пророчество: «Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои — поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис. 50:6).

Исполнение: «Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. 26:67).

Он будет осмеян

Пророчество: «Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: „Он уповал на Господа. Пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему“» (Пс. 21:8).

Исполнение: «И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» (Мф. 27:31).

Он делается ходатаем за преступников

Пророчество: «Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53:12).

Исполнение: «Иисус же говорил: „Отче! Прости им, ибо не знают, что делают“» (Лк. 23:34).

Он будет презираем Своим народом

Пророчество: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем...» (Ис. 53:3).

Исполнение: «Ибо и братья Его не веровали в Него... Уверовал ли в Него кто из начальников, или из фарисеев?» (Ин. 7:5,48).

Его возненавидят без причины

Пророчество: «*Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей*» (Пс. 68:5).

Исполнение: «*Но да сбудется слово, написанное в законе их: „Возненавидели Меня напрасно“*» (Ин. 15:25).

Его друзья будут стоять вдали от Него

Пророчество: «*Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали*» (Пс. 37:12).

Исполнение: «*Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это*» (Лк. 23:49).

Его будут позорить

Пророчество: «*Я стал для них посмешищем: увидев меня, кивают головами [своими]*» (Пс. 108:25).

Исполнение: «*Проходящие же злословили Его, кивая головами своими*» (Мф. 27:39).

Его одежду поделают между собой и о ней будут бросать жребий

Пророчество: «*Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий*» (Пс. 21:19).

Исполнение: «*Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон. Хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак, сказали друг другу: „Не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет“*» (Ин. 19:23–24).

Он будет томим жаждой

Пророчество: «*И в жажде моей напоили меня уксусом*» (Пс. 68:22).

Исполнение: «После того Иисус... говорит: „Жажду“» (Ин. 19:28).

Ему в пищу дадут желчь и Его напоют уксусом

Пророчество: «И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом» (Пс. 68:22).

Исполнение: «Дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить» (Мф. 27:34).

Будет слышен Его вопль

Пророчество: «Боже мой! Боже мой! [Внемли мне] Для чего Ты оставил меня?» (Пс. 21:2).

Исполнение: «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46).

Он предаст Свой Дух Отцу

Пророчество: «В Твою руку предаю дух мой» (Пс. 30:6).

Исполнение: «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46).

Его кости не будут сокрушены

Пророчество: «Он хранит все кости его — ни одна из них не сокрушится» (Пс. 33:21).

Исполнение: «Но, подойдя к Иисусу и увидев, что Он уже мертв, не перебили у Него голени» (Ин. 19:33).

Ему пронзят бок

Пророчество: «И они воззрят на Него, Которого пронзили...» (Зах. 12:10).

Исполнение: «Но один из воинов копьем пронзил Ему бок...» (Ин. 19:34).

Над землей будет тьма

Пророчество: «И будет в тот день, — говорит Господь Бог, — произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня» (Ам. 8:9).

Исполнение: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого» (Мф. 27:45).

Его похоронят у богатого

Пророчество: «Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого» (Ис. 53:9).

Исполнение: «Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи по имени Иосиф... И, взяв тело, Иосиф обвил его чистой плащаницей и положил его в новой своей гробнице» (Мф. 27:57–60).

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги на английском языке

1. *Bruce F.* The Spreading Flame. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1973.
2. *Dimont M.* Jews; God and History. New York: Simon & Shuster, 1961.
3. *Eban A.* My People. New York: Behrain House Inc., 1968.
4. *Edersheim A.* The Life and Times of Jesus the Messiah. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Co.
5. *Ellison J.* The Mystery of Israel. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Co., 1966.
6. *Fruchtenbaum A.* Hebrew Christianity: it's Theology, History and Philosophy. Washington: Canon Press, 1974.
7. *Harkavy A.* The Holy Scriptures. New York: Hebrew Publishing Company, 1963.
8. *Klausner J.* The Messianic Idea in Israel. New York: MacMillan Publishing Co., 1955.
9. *Latourette K.* A History of Christianity. New York: Harper and Brothers, 1953.
10. *Latourette K.* A History of the Expansion of Christianity, Vol. 1, "The First Five Centuries". Grand Rapids: Zondervan Publishing Company, 1970.
11. *McDowell J.* Evidence That Demands a Verdict. Arrowhead Springs: Campus Crusade for Christ International, 1972.
12. *Phillips J.* The New Testament in Modern English. New York: MacMillan Publishing Co., 1958.
13. *Sachar A.* A History of the Jews. New York: Alfred A. Knopf, 1965.
14. *Scholem G.* The Messianic Idea in Judaism. New York: Shoken Books, 1971.
15. The New Testament with Old Testament References. Philadelphia: Million Testaments Campaign.

Книги на русском языке

1. *Даймонт М.* Евреи, Боги история. М.: Имидж-Сет, 1994.
2. *Макдауэлл Д.* Неоспоримые свидетельства. М.: Новая жизнь, 1993.
3. *Фрухтенбаум А.* Иисус был еврей. СПб.: Библия для всех, 1998.
4. *Фрухтенбаум А.* Мессианская христология. СПб.: Ариел Министрис, 2004.
5. *Эдершейм А.* Жизнь и времена Иисуса Мессии. М.: Весть, 2004.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уолт Уитмен — известный американский поэт.
- ² «Скрипач на крыше» — популярный мюзикл по произведениям Шолом-Алейхема. В пьесе рассказывается о еврейской семье, жившей в России в конце XIX века, и о трудностях, выпавших на ее долю из-за антисемитизма.
- ³ Гой (гойим) — презрительное название для неевреев, неиудеев.
- ⁴ Бар-мицва — церемония посвящения, во время которой еврейский мальчик становится бар-мицва, т. е. «сыном закона», и начинает нести личную ответственность за соблюдение Божьего Закона во всей полноте.
- ⁵ Тфиллин — маленькие кожаные коробочки, в которых хранятся отрывки из Пятикнижия; следуя традиции, еврейские мужчины ежедневно надевают такие коробочки на лоб и на обнаженную левую руку во время утренней молитвы.
- ⁶ Рош-ха-Шана — еврейский Новый год, празднуется в месяце тишрей (сентябрь).
- ⁷ Иом-Кипур — День искупления, или Судный день; в этот день иудеи исповедуют свои грехи, совершенные за год, чтобы получить прощение (искупление).
- ⁸ Песах (Пасха) — праздник, посвященный исходу евреев из Египта.
- ⁹ Ханукка — праздник, связанный с радостным избавлением евреев от гнета Селевкидов (II в. до н. э.) и чудесным очищением Храма.
- ¹⁰ Пасхальный седер — пасхальный праздничный ужин.
- ¹¹ Хагада пасхальная — сборник молитв, бенедикций, толкований Библии и литургических произведений, прямо или косвенно связанных с темой исхода из Египта и ритуалом праздника Песах.
- ¹² Сионизм — национальное движение в XIX в., основоположником которого был австрийский журналист Теодор Герцль. Оно ставило своей целью создание еврейского государства в Палестине.
- ¹³ Католический университет — университет в городе Вашингтоне, основателями и управителями которого являются католики. Двери университета широко открыты для верующих любой религии.
- ¹⁴ Бат-мицва — церемония посвящения, во время которой еврейская девочка становится бат-мицва, т. е. «дочерью закона», и начинает нести личную ответственность за соблюдение Божьего Закона во всей полноте.
- ¹⁵ Реформистская синагога принадлежит реформистскому иудаизму, наиболее либеральной из всех форм современного иудаизма.
- ¹⁶ Библия короля Якова — самый известный перевод Библии на английском

языке, сделанный в период правления английского короля Якова в 1611 г.

¹⁷ Американская стандартная Библия — перевод Библии на современный английский язык, опубликованный в 1960 г.

¹⁸ Танах — аббревиатурная форма записи трех сборников священных иудейских книг: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания), т. е. Ветхий Завет.

¹⁹ В еврейском варианте Ветхого Завета «Мессия».

²⁰ «Дайбук» — повесть, написанная на идише, в которой описывается роль духов в жизни евреев. В 1930 г. по этой книге был снят фильм.

²¹ ...Они молились в пятницу вечером — т. е. они следовали чисто еврейскому обычаю праздновать шаббат, или субботу.

²² «Хад гадья» («Один козленок») — песенка, которой завершается пасхальная Хагада.

²³ «Иисус хочет, чтобы я был солнечным лучиком» — популярная в США детская христианская песенка.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК	9
ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО С ДЖУДИ?	15
ИСТОРИЯ НАШЕЙ СЕМЬИ	27
ПОИСКИ НАЧИНАЮТСЯ	38
ХЕЙДИ	51
ВО ЧТО Я ВЕРЮ?	58
ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ	69
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАКЛЮЧАЮЩИМИ ЗАВЕТ	79
НАПРЯЖЕННОСТЬ УСИЛИВАЕТСЯ	90
ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ	96
ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ	108
РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО	118
ОПЯТЬ ВМЕСТЕ	122
ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС	128
КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ ЖИТЬ?	135
С ТЕХ ПОР	144
ПРИЛОЖЕНИЕ	152
ПРОРОЧЕСТВА И ИХ ИСПОЛНЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЯ	166
ПРИМЕЧАНИЕ	168

